

ФЛЕНИНОМЭ №22

(Специальный выпуск нехудожественной литературы. Внимание!

Присутствует ненормативная лексика!)

Еще два года назад отозваться о нем без должной почтительности означало подписать собственный приговор. Он обсуждению не подлежал.

Время не опровергало, даже не корректировало его слов. На все случаи жизни подыскивалась цитата, без которой не обходился ни один научный труд, ни один съезд, ни один «солидный» зал... Сегодня о нем можно говорить, как о живом. Можно спорить. Можно в открытую заявить о своей к нему антипатии. Словом, нормальная ситуация для философа и политика. Ленин не был догматиком и не терпел этого в других. И совсем не предполагал стать музейным экспонатом с табличкой «Руками не трогать»...

“Комсомольская правда”, апрель 1990 г.

*Сколько В. И. Ленин написал трудов,
столько о нём и приколов насочиняли. Если не больше...*

А. Азиева-Белет.

Первый сатирический журнал,
который издавался в России после
установления Советской власти,
начал выходить в 1918 году.
Он назывался **"Красный дьявол"**.
Очень красноречивое название.

Георгий СВИРИДОВ, "Записи разных лет"

*Поменьше пышных фраз, побольше простого,
б у д н и ч н о г о, дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля!*

В. И. Ленин

*...Художественная литература отличается от исто-
рии не «выдумкой», а большим, более близким и
кровным пониманием людей и событий,*

большим волнением о них,

Ю. Н. Тынянов

НЕНАУЧНЫЙ ТРАКТАТ

посвящённый

Вождю Октябрьской Революции, Рупору Прогрессивных Идей, Зачинателю Воплощения Мечты о Равенстве и Братстве, Скульптору Человеческого Счастья и просто Мастеру Своего Дела – Владимиру Ильичу Ленину.

Данное повествование построено на воспоминаниях соратников, друзей, очевидцев и прочих людей, с которыми так или иначе переплетался жизненный путь Вождя.

Для более полного раскрытия образа этой загадочной личности были использованы архивные записи Государственного Фонда Текущих Событий, заметки с полей дневников некоего **К^а**, рассекреченные документы царской жандармерии и недавно обнаруженные рукописи неизвестного летописца **Генриха фон Граухсанштольца**, в которых достаточно ярко показаны небезынтересные штрихи нашего Героя. Итак:

Рукопись Первая : Общий портрет.

«Если Ленина разглядывать, как микроба, через микроскоп, можно наблюдать следующее:

- С одной стороны он был человек неплохой, а с другой стороны у него был лоснящийся копчик.

- Любил ли он женщин? Любил. Это обязательно. Женщин Ленин любил много, но в единственном лице, в лице Надежды Константиновны Крупской. А может и не только в лице. Это парадокс, но кривотолки здесь неуместны.

- Всю жизнь Владимир Ильич картавил, потому что в детстве прикусил язык, когда падал с заборов, ворюя яблоки на купеческих дачах. Очень этого стыдился. Поэтому о своём беспечном и буйном детстве никогда и никому не рассказывал. Даже Крупской. Но Надежда Константиновна отличалась особой проницательностью, и он часто слышал в свой адрес слова типа: Вовка-морковка, Огородный Робин Гуд, Бич-Ильич и т.д. Ленин, конечно, делал вид, что не обижается, тем не менее написал в последствии брошюру «Тяжелые базары», поскольку очень переживал.

- А вообще он был человек здоровый, но часто болел. А когда после болезни выздоравливал, то начинал кашлять. Зато никогда не курил, хотя и мечтал попробовать, но боялся, что начнет кашлять. Никогда не пил спиртного в одиночку, а друзей у него не было. Вот поэтому

- Ошибочно многие считают, что очень часто Владимир Ильич находился в вынужденной эмиграции, но это не правда. Ленин просто любил путешествовать.

- Человек он был сильной воли и духа, никогда не позволял себе расслабляться, отчего часто страдал запорами. Хотя, опять же, продолжительное сидение в туалете ещё ничего не доказывает.

- И вообще он был человек очень противоречивый: любил морковь, но не любил морковную запеканку. Похоже с детства.

- В целом же его типаж можно охарактеризовать как сложный и положительный, хотя сзади всё-таки у него и был кончик. И не как у отдельно взятого микроба, а как у всех людей того беспокойного времени. Это в принципе.»

К записям **Генриха фон Граусханшольца** мы ещё вернёмся, а пока более детально о «том беспокойном времени» мы узнаем из следующего стихотворного опуса. К сожалению, лит-экспертам так и не удалось установить написано ли оно лично Владимиром Ильичём Лениным или кем-то из его последователей или преследователей – настолько точны и в то же время противоречивы факты и трактовка событий в данном произведении...

Рукопись Вторая: Поэтическая

Когда порочности аида зловоньем поразив умы,
вонзили стрелы суицида - от Пензы и до Костромы!
Весёлые пуляя пули, крича похмельное "Ура!" -
мы лихо так Царя свергнуУли, пропеллером судьбы крутя.

Конспиративные квартиры... Высоко поднят воротник.
И зубы, якобы больные, а в рукаве запрятан штык.
Кругом предатели-иуды, идут по срезу амплитуды.
И шпики, шпики... На шпиков у нас достаточно штыков!

Я пасынок страны родной, я революции дитяты,
я лысый шушенский изгой, познавший прелести проклятья!
О, вездесущий беспредел! К тому ли призывал я массы?
Ломая хрупкие каркасы - мой мозг внезапно облысел.

Когда насели над страной на унитазах и бидэ,
отряды жаждущие крови, троцкисты и НКВД -
то покатился бескозыркой мой архигениальный план:
Там, вдруг - восстание эСэРов! Тут - ебанутая Каплан.

И вот уже прогнила крыша, над миром, где я был - Вождём:
интриги сыпались дождём, меня никто, никто не слышал.
И выпал штык из-под подола... Сквозь ржавчину в броневике,
червяк грядущего раскола вошёл в глубокое пике.

Товарищи!
...Яснее ясного, что теперь, уже поистине,
промедление в восстании смерти подобно...
Нельзя ждать! Можно потерять всё!!
Надо, чтобы все районы, все полки, все
силы мобилизовались тотчас и послали не-
медленно делегации в Военно-революцион-
ный комитет, в ЦК большевиков, настоятель-
но требуя: ни в коем случае не оставлять
власти в руках Керенского и компании до
25го, никоим образом; решать дело сегодня
непременно вечером или ночью.

В. И. Ленин

Наевшись глупыми мозгами, серя мандатами, червяк,
слюну пуская пузырями, вгрызлся в Партии костяк!
Вонзились гнусные занозы под кожу молодой страны.
И клизмой бюрократизма нам переполнило умы.

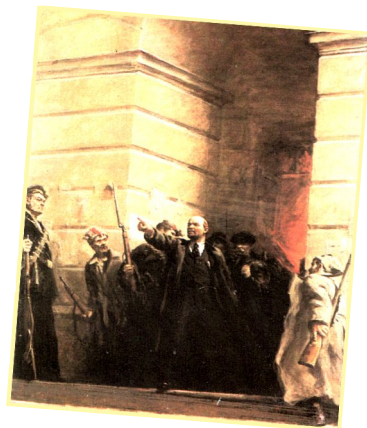
Сорвался винтик со спирали Коммунистической резьбы.
Друг против друга мы восстали, друг другу дали мы пизды.
В Историю - ломать не строить - внесли смятенья резонанс.
Теперь о чём нам будет вспомнить, а вспомнит кто-нибудь о нас?

И глухо опустились руки, носки ботинок вверх загнулись,
поник пинжак и спали брюки, и пуговицы расстегнулись...

То неминуемый был крах. Спаси, аллах!

Страна уже... в одном осталась неглиже.

Придумав имя - Даздраперма, неукоснительно и верно,
она, навстречу приключениям идёт, набивши рот печеньем.

Подобно труженице пчёлке, я свет познаний распылял,
но где-то вкралась ошибка - Идеи рухнул пьедестал.
Где надломился мысли прутик? Где треснул сути корешок?
Где развязался, так не кстати, пупка не прочный узелок?

Я, светлый луч во тьме реалий, в клоаке сумрачных интриг,
затевя это "трали-вали", своей ли цели я достиг?

Я стал беспомощен, безвреден, хлебнувши горя от ума,
прости меня, старушка Пенза, прости, родная Кострома.

P.S.

Призрак бродит по Европе. Призрак Коммунизма...

Призрак Рая На Земле по нам справляет тризну.

Наши пирровы победы - ржавые гантели.

Пролетарии Всех Стран снова пролетели...

Само собой разумеется, что в начале своей политической карьеры Владимира Ильича тревожили совсем другие вопросы. Особую слабость питал он к мозолистым рукам простых рабочих, на которые возлагал большие надежды крестьян. Оставаясь при этом не пассивным наблюдателем, а активным партнёром слияния рабоче-крестьянской массы в одно целое и истинным борцом за правое дело, открыто идущим на любые компромиссы в достижении поставленной цели.

Вот, к примеру, как это было.

Рукопись Третья: Электрификация. (Стенограмма одного заседания)

Ленин ходил из угла в угол и думал о главном. Главным на сегодняшний день было решение проблемы электрификации. Ленин остановился у окна, поколупал облупившуюся на подоконнике краску и повернулся к присутствующим:

- Итак, товарищи, так где же мы будем бхать провода?

Присутствующие вяло колыхнулись. Их бледные, от никотиновой недостаточности, лица не выражали прежнего энтузиазма. Без курева, которое стимулирует мало-мальское движение мысли, мучались все. Согласившись провести заседание без перерыва, они теперь явно раскаивались в своей неготовности решать подобные масштабные задачи. Со скрипучего стула поднялся худощавый мужичок:

- Я - лыкоплёт Лаптев, из глубинки. У меня, дозвоьте сказать, товарищ Ленин, на чердаке есть двухметровый моток телефонной «лапши». На ей веники для бани сушатся, но могу, если надо, пожертвовать за ради илектрипанации светлого будущего. К тому же таких, как я, нас в деревне восьмеро.

- Лапша, говоите, товаищ Лыков?

- Лаптев.

- Хогошо, спасибо. Лапша - это, товаищи, пьекхасно! Казалось бы пхоблема и ешена!? Но два метха лапши, уважаемые, даже если их умножить на восемь лыкоплётов - это мизер, для такого поппища. Для такого айхигхандиозного пьедпьятия, как электьификация. Вы меня понимаете?

Мужичок явно ничего не понял, но кивнул и тихо сел.

Слово взял могучий кузнец с мохнатым лицом: - А что если нам заслать отряды экспроприации в различные капстраны: пусть они ночью срежут ихние провода и тайными путями вывезут в Россию.

- Вот это товаищ кузнец здоово загнул! Очень смело! Выезал, так сказать, по еволюционному! Очень пьекхасная идея: ночью съезать и ...в Россию! Не духственно!

В помещении зашевелились. Воздух скороразрешённой проблемы пахнул озоном. Ленин выскреб из-под ногтя застрявший кусочек краски и вновь заострил внимание присутствующих: - Пхошу не гхласслабляться, товарищи. Пхоблема не так далеко исчехпана, и по пьежнему, так сказать, тогхчит оголёнными концами! Ну, допустим, с пхпроводами мы гхазобьались, с Путиловцами я договоюсь. Но помимо пхпроводов, товаищи, нам необходимы гхаспьеделительные щиты, пхобки и пьедохьянителы. Без пьедохьянителы, то-

ваищи, нам гхозит полное замыкание и вгхашение в пустую всех запланированных туу-бинных лопаток! Какаво?!

Своё разрешение проблемы вновь предложил мохнатый кузнец: - А что если нам, товарищ Ленин, отказаться от использования распределительных щитов? Подсоединим всё на прямую, чего нам распределять? У нас ведь всё общее. А вместо предохранителей наладим выпуск "жучков". Я уже тут вот и чертёжик прикинул.

- Вот это опять езанул кузнец! По еволюционному! Выкойчевал, опять-таки, так сказать, пьоблему под самый коешок. Выкойчевал! Вот, товарищи, такие кузнецы и пьиведут нас чеез тейнии к звезде светлого будущего и повсеместного электхичества. Я хочу вам, товарищ кузнец, пьедложение сделать - назначить вас главным комиссахом по электрификации! Офохмим мандатик, паёк, «Маузер», как вам моё пьедложение? Здохово я езанул, а?! Соглашайтесь!

Тут, со скрипучего стула опять поднялся лыкоплёт Лаптев:

- А можно и мне «Маузер», а то у нас в глубинке... - ему не дали договорить, зашикали со всех сторон и буквально силком усадили на место.

-Я, конечно, не против, товарищ Ленин, но если я буду по электрификации комиссарить, кто же тогда лошадам подковы будет ковать?

-А подковы, милейший, нам уже, того самого, ского совсем не понадобятся. С получением электхонейгии мы всестоонне запустим тхамваи и электхопоезда, и наш стагхый дхуг - лошадка - будет не нужна. Это уже - анахронизм.

-Может это и охренизм, - вздохнул кузнец, - но как же без лошади, товарищ Ленин? Кто же по полям плуг да бороны таскать будет?

-А я вам отвечу, товарищ Кузнец, мы наладим выпуск электхоебёдок! И пусть электхоебёдки таскают плуги и бохоны, а мы в это вьема займёмся более

важными делами! Каковых у нас непочатый кгхай! Какаво?!

Озон в помещении усилился и наполнил сердца присутствующих надеждой на долгожданный перекур и аплодисментами. Ленин прищурившись посмотрел на кусочек краски что достал из-под ногтя, подумал, и засунул обратно: - Ну вот, товарищи, главные моменты электхификации мы обсудили и, можно сказать, почти гхазьехали. Следующим выступит товарищ Когхжиков, вейнее - Кжижановский с детальным докладом о...пл...рякц...итли бэ...

(здесь стенограмма заседания обрывается).

Именно по таким неполным и полусохранившимся документам мы замечаем, что на первых порах непонимания со стороны крестьянского населения важности намеченного пути очень огорчали Ленина. Но умение заражать и заряжать энергией истинного борца со временем заряжало и заражало и окружающую среду этого борца. Благодаря этому неизученному и поныне метафизическому вирусу, на свет появился - с у б о т н и к - феномен бесплатного труда.

РУКОПИСЬ ЧЕТВЕРТАЯ: Заноза (Рассказ случайного свидетеля)

Затеял как-то Ленин субботник. А по какому поводу и зачем не сказал. Но пришли все. Работали долго. Некоторые даже с песнями. А тут вдруг огляделись: нету Ильича!? Где!? Куда!? Нашли за бойлерной. Сидит, смотрит на палец, а там – во-от такущая заноза. – О бревно, - говорит, - укололся. Стали ему оказывать первую медицинскую помощь. - Вот, возьмите,- говорим,- дорожник, Владимир Ильич, поплывите на него и приложите к больному месту.

Ленин был умный человек, но сделал, как ему сказали. И то, что ему больно, никому не показывал, а только плакал.

После субботника, когда все деньги заработанные из шапки вытряхнули Ленину в карман, он сказал: - Ну вот, товарищи, мы с вами выполнили нашу задачу.

Все стали спрашивать, мол, уважаемый товарищ вождь Владимир Ильич, куда столько денег? На что? На какие нужды революции?

- Это, - говорит, - друзья, мы отошлём товарищу Циолковскому в Калугу, на постройку стартовой площадки для космических аппаратов межпланетного сообщения!

Мы, конечно, ничего не поняли, но были не против, и каждый подумал: «Вот ведь какой он – Ленин! Всё для блага революции, ничего – себе. Даже копеечку на зелёнку не взял. Человек.»

5 ноября 1921 года председатель Совета народных комиссаров **Владимир Ленин** в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» написал: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, дураки, сделаем из золота общественных отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира».

*Немногие тогда ещё понимали и принимали новаторское направление бесплатного труда, как верёвочки стягивающей розги коммунистического воспитания, из чего Ленин, как и подобает великому философу и мыслителю, выдал на гора гениальную, но спорную идею о том, что: «Не деньги правят человечеством, а желание их заработать». В подтверждение этой противоречивой фразы вернёмся к заметкам **Генриха фон Граусханшольца**, где об аналогичном вышепересказанному случаю происшествии мы узнаем со слов селянина-очевидца **Еремея Стоногутова**.*

А это случай такой, когда наоборот уже крестьяне позвали Ленина на субботник.

- Пойдёмте, Владимир Ильич, надо там брёвна перетащить, на то место где клуб строить будем, и где вы нас будете потом агитировать, а мы будем всю эту хуйню слушать, пойдёмте с нами!

Ленин такой: - Да не хуй делать, я всегда с вами, я с народом! Пошли!

Пришли куда надо, он, значит, бревнышко-то оп-ля... потрогал и чё-то как-то лень ему стало. Такой говорит: - Щас, товарищи... я... быстро! – и умчался...в Петроград.

Приехал уже на тракторе! С колхозником каким-то... С рабочим! Рабочий его привёз. И всё, рабочий говорит, всё мол, моя командировка закончилась, я поехал обратно в Питер, а вы тут ебитесь! Вот вам железный конь – пасите на здоровье – субботничайте, а я на это даже смотреть не могу. Сказал он так и ушёл. Ленин просто онемел от такого нахальства, потом говорит: - Вот какой попался нерадивый человечешко – необразованный, непонимающий нашей линии.

Плюнул с презрением в сторону неслыханного рабочего предательства и говорит: - В рот ебать! Я книжки читал, щас я с этой техникой махом разберусь!

Сел, короче, педальку чё-то надавил, где-то чё-то дёрнул – др-р-и-и-инь! – завелось! Ура, блять! Шапки вверх – все радуются! А Ленин такой, перекивая шум толпы и трактора: - Товарищи, не время праздновать! – и чё-то там опять сделал – ка-а-ак полетел, сука, на полных парах – всю пшеницу – в пизду! Всё! Полдеревни чуть не пере-

давил, чертяка. Летит, орёт, остановиться не может! Кепку вообще куда-то потерял. Крестьяне тоже ни чего не понимают - Ура, блять!

А тот орёт: - Какое, на хуй - ура?! Товарищи крестьяне, поймите,- говорит, - меня! Ну как-нибудь, сука, я не знаю!

- Товарищ Ленин, чё делать-то?!

- Я ебу что ли, чё делать! Ловите меня, сдёргивайте с этой железной машины, блять, не могу больше!

Короче, те на быках за ним, как индейцы. Житомирская коррида! Догнали, значит, его со свистом, с гиком, какими-то граблями шибанули, спихнули-таки с сумасшедшего трактора. Кое-как уцелел Ильич! А трактор куда-то уехал, в пизду, и в пруду утонул, на хуй!

А Ленин после этого говорит: - Да, товарищи, ебал я в рот весь этот прогресс и всю эту технику! Видимо здесь какой-то знак свыше – что к л у б нашему колхозу, то бишь – вашему селу - пока не нужен. К такому я пришёл выводу. Так что можете расходиться по домам...а то меня сейчас выгошнит.

(Замечание от писаря: «Это, блять, надо было видеть!»)

Тем не менее, для конструктивного толчка и воплощения революции требовались не только огромные деньги, но и огромные мозги. На интеллектуальном вооружении молодой страны остро ощущалась научно-прикладная недостаточность. Среди крестьян учёных было мало, не считая самоучек из деревни Крюково-6. Среди Рабочих, в основном, были рабочие. И вот тут, как нельзя кстати, проявились ленинские дарования на самых неожиданных поприщах. Пылкий ум и тяга докопаться до сути вещей преследовала Ильича всю его сознательную жизнь, поэтому все математические, физические и химические расчёты он производил самолично. О чём вы узнаете из следующего рассказа.

Рукопись Шестая: СИНДРОМ КУЛИБИНА

...Кроме того, что Ленин просто был великий, он ещё был великий изобретатель. Правда, любитель. Но со стажем. Любил поэкспериментировать... за казённый счёт. Он так-то, в принципе, читал много, практиковался маловато. И всегда старался этот пробел заполнить. Чего только не придумывал: стул – антибздун, санки – самоеды для зимы и лета, самовоспламеняющиеся свечки и прочую бытовую утварь, помогающую простому человеку облегчить свое бесполезное существование.

А тут как-то затеял сделать бомбу. То ли с Надеждой Константиновной поцапался, то ли для разнообразия текущего момента. Купил значит четыре фляги керосину, мешок спичек, фитилёк на запал, марганец, всякие химикаты. Чего-то куда-то насыпал, разболтал, размешал, на вкус попробовал, добавил ещё 40 капель, парафином всё так аккуратно закапал. «Ну, - думает, - вот оно чудо взаимозаменяемости, конфронтации и разложения атомов!». Стащил у Надежды Константиновны будильник. Та на работу проспала.

- Ой, - говорит, - а где будильник?

А Ленин говорит: - Не знаю. Кто-то, веоятно, стащил. Пьедставляешь, ночью залезли и унесли!

- Да-а? А я думала: крестьяне – хорошие...

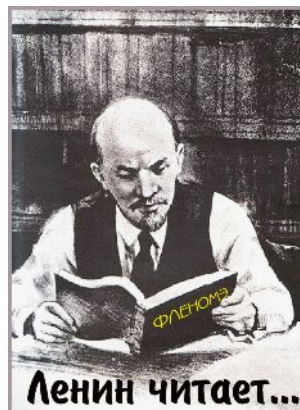
- Да ты что, Наденька! Пидаасы – они все. Будильники воовать – это ж последнее дело! А сам эту кражу-пропажу приспособил будто бы часовой механизм и решил в выходные испытать всю конструкцию в целом... А стрелочку-то забыл куда надо перевести. Легли спать – как бабахнет! Всё! Всё, на хрен, разлетелось и развалилось! Треск и пламя кругом! Надежда Константиновна вместе с кроватью в коровник улетела. Её там бык чуть не обрухатил. Ну вообще – катаклизма местного масштаба! Володьку унесло на другой край хутора. И он там прилип к ёлке в лёгкой контузии.

- Ах, ты, - говорит, - едъёна медь, чё такое?! - В ушах какой-то свист стоит непонятный. Проковырял веточкой – всё равно свистит, не проходит. Думает, не иначе как что-то случилось! Принюхался, пригляделся, портки дымятся на нём! Рубашка тоже.

- Да чё такое-то!? – в голове всё как-то мутно и говном начало пахнуть. – Ах, сука, - говорит, - ни хъена себе меня пьипечатало!

Отскоблился кое-как, пошёл домой. А избушки-то нету. Одни крышки от фляг валяются. А где избушка? Где Наденька?

- Надя! Надежда! В тьи часа ночи такие шутки – пхосто пьедел интеллектуальной одежжистости! Нельзя так! Ау!

А Наденька-то в коровнике сидит: глазки выпученные, ручки висят, голова качается – контузия чуть посильней, чем у Ильича.

- Наденька! Что?! Что с тобой?! – ворвался Ленин в коровник в рваных манжетах. – Почему это с нами пхоисходит?!

А Надежда Константиновна молча подняла глаза и пронзительной тоской читался в них один вопрос: - Доколе?!

Именно такие странные поступки и вопросы наполняли жизненную харизму нашего героя. А если задать другие вопросы «Когда?» и «Почему?», то в следующем лирическом отступлении мы наверняка сумеем понять как формировалась эта легендарная личность. По великой случайности до наших дней дожила однокашница будущего вождя – **Изольда Карловна Боровик**. Изольда Карловна любезно согласилась поделиться своими наиболее яркими воспоминаниями о Ленине, в те беззаботные, школьные годы.

Рукопись Седьмая: ИЗ ШКОЛЬНЫХ ДНЕВНИКОВ

«Я училась с Володей Ульяновым ещё в гимназии, в городе Казани. И даже какое-то время была в него влюблена. Целых две недели. Хотя мы и сидели на разных партах. Как-то мы поехали классом на пикник. Володя выпил много пива и захотел писать. Но туалета нигде не было. Понятно, что в лесу нет туалетов, а Володя стеснялся. Он был очень стеснительный мальчик, хотя и без комплексов. И он постеснялся писать в лесу. Он терпел и терпел, пока не описался. Нашли мы его за ёлкой, он стоял обняв её и громко плакал. Мы все успокаивали его, а Володя только всхлипывал и говорил: «Как жаль, что нельзя вас всех убить!»

Потом я долго болела цыпками и родители увезли меня к троюродной тётке на Воды. И, наверное, через месяц, неожиданно, я получила от Володи письмо. Оно начиналось очень весело, как сейчас помню первые строчки: «Здравствуй, Жабa глупозада!...»

Так же Володя придумывал всевозможные розыгрыши и всякие игры. Так однажды на перемене в гимназии, в туалете для мальчиков, он предложил одному своему сокурснику сыграть в такую игру: что если тот сумеет покакать стоя, то Володя даст ему 5 рублей. Мальчик покакал стоя, а Володя сказал: - Забирай, - говорит, - 5 рублей, мне их не жалко, потому что я их выиграл сам недавно, покакав лёжа на животе... Потом я опять заболела... свинкой... »

Таким запомнился Владимир Ильич **Изольде Карловне**, таким он и остался в зрелые годы: выдумщик, непоседа, проказник и балагур. Как вы успели заметить, ниточки неординарного подхода ко вскрытию душ человеческих, путём трепанации латентных эмоций и чувств каждого индивидуума в отдельности, Ленин начал плести ещё будучи ребёнком. Впоследствии, уже воспитанником гимназии, где учился в юношеские годы он совершенствовал своё дарование, да и позже не терял времени даром, и в конце концов научился делать правильные выводы из всего что могло пойти на пользу общему делу. Об этом вы узнаете из следующего рассказа:

Рукопись Восьмая: ПРЯТКИ

Ленин очень любил играть в прятки. Или, как сказал бы местный конюх Прокопыч, прятки был его конёк, или коньки, как правильнее не знаю. Да в общем это и не важно. Любил он себя прятать и всё тут.

Навык в этом непростом деле Ильич приобрёл ещё в глубоком детстве, прячась от мальчишек с соседней улицы, которые всегда, как увидят его, били кулаками и отрывали воротничок, а один, рябой и косоротый всё норовил на темя плюнуть. Но всегда промахивался, потому что был косоротый. Маленький Ильич очень горевал по такому случаю и поэтому старался спрятать себя от обидчиков как можно хитрее. То за поленницу залезет и деревяшкой притворится, то в лопухах закопается и подорожником на земле ляжет. А как-то раз даже в собачьей будке мисочкой притаился, только глаза на доньшке и поблёскивали.

Позже, когда Володя учился уже в гимназии, квалификация прятков значительно повысилась. Бывало, во время урока возьмёт и растворится. Ему к доске идти, отвечать по латыни где Африка находится, или скажем, в каких словах буква «ять» не пишется, а – хватъ-хвять – Володи-то и нету, куда делся никто никогда не догадается. Всем классом бывало ищут его, и под партами посмотрят, и за дверями, и в плакатах учебного пособия пороятся – нет его, будто и не было такого человека – Володи Ульянова, ученика

Ленин был мастером конспирации.

Он умел так переодеваться, что его никто не узнавал. Идёт такой где-нибудь по Женеве, а прохожие думают по французски: "Вот ведь какой идёт неприметный, невзрачный человек. А убей его - и никакой Октябрьской революции не будет."

"К. Б."

гимназии №9. А он в это время сидит где-нибудь в глобусе или за доской классной на стенке распластается и посмеивается себе с картавинкой: гхи-гхи, гхи-гхи-гхи. Прятки – вещь серьёзная, а потому требует постоянного совершенствования, к чему и стремился Володя, развивая и ежедневно тренируя свой талант, данный ему Богом. Но в Бога Володя не верил, поэтому будем считать, что талант у него сам собой от Дарвина появился.

И вот, когда Володя был уже в возрасте, когда думают не только о женщинах, но и каких-нибудь социалистических революциях, пряталки его достигли такого мастерства, что ему уже можно было дать почётное звание «Лучший МегаПрятальщик II разряда», например, и вру-

Маймир Казлевич "Ленин спрятался"

(ГУПТ, холст, масло, хлеб, чай)

чить грамоту или даже выпел. Прятки уже стали не только игрой, но даже – работой, и больше сказать – необходимостью, какую, скажем, испытываем мы, простые люди, после того, как хорошо и сытно покушаем.

Все пытались найти Ильича. И белогвардейцы, и царские шпики, и люди, которые просто хотели его убить. Но найти такого мастера прятков и перевоплощений было очень не просто. Случались, конечно, некоторые неприятности типа подставы, когда Ильича предавали, не чистые на руку и на другие части тела, соратники. Или же те люди, которые хотели, чтобы его убили, выдавали его тем людям, которые хотели его убить. И тогда уже жандармы прятали его сами, в тюрьмы и другие сырые и вонючие казематы. Но выходя на свободу, Ильич, а теперь уже вождь рабочих и крестьян, снова бегал и прятался. Многие, невероятно невообразимые места послужили ему укрытием во время долгих скитаний и поисках дороги к светлому будущему.

И вот наконец, когда заветная мечта Володи Ульянова осуществилась, и большевики заняли Смольный, Володя, войдя в это огромное здание, сразу оценил как хорошо ему будет здесь прятаться от классовых врагов, иностранных шпионов и от людей, которым нет-нет да и хочется его убить. Сколько разных закутков, ниш, коридоров и коридорчиков! – да, это здание было подарком судьбы на благо Володи, а значит и всей революции.

И лишь один человек был на всём белом свете, от которого не мог, ну просто никак не мог укрыться Ильич. Это была Надежда Константиновна Крупская. Куда не спрячется везде его Надежда Константиновна отыщет. То за диванчиком его застукает, поедающего, принесённую походками воблу, то из-под стола веничком выгонит, всё с той же воблой.

Но Ильич никогда не огорчался по этому поводу, потому что Надежда Константиновна любила его и не хотела причинить ему вреда, как те люди, которые хотели его убить. Лишь изредка скажет ему какое замечание, пожурить чтобы, да за ушко потреплет. А Ильич на это и не обижался вовсе. Подумаешь – за ушко. Ушко для революции – не самоцель!

Но зато сколько раз он прятался здесь, где-нибудь за шторочкой или за шкафом и подслушивал разговоры нечистоплотных на коммунистические сердца соратников, и давал после этого единственно правильные распоряжения по их поводу, а уж в этом, поверьте мне, Ильич разбирался, как машинист в паровозе.

Вот как был загражирован Ленин,
когда перебрался из Разлива
в Финляндию.

Вполне естественно, что не всегда и не со всеми находил Ленин общий язык с первой попытки. Иногда на это уходили годы. Нестандартные методы воспитания кадровой политики ему приходилось-таки вживлять в мозг каждого больного организма старой партийной плоти. Всевозможные донорские новаторства и ухищрения Ленин применял даже к самым близким соратникам. Сам парадокс был в том, что часто, вопреки всем инновациям, сложнейшие, казалось бы, задачи решались обычным мордобоем. Слушаем рассказ 90 - летней давности, записанный со слов главного коচেга ра котельной Смольного – **Иволгина Игната Эльбрусовича**.

Рукопись Девятая: ЧИСТКА

Встретились как-то в Смольном Ленин со Сталиным. Осмотрели друг друга с ног до головы, поздороваться и не подумали. Ленин, по природе своей забияка, начал первый:

- Ты чё,- говорит, - горбоносый хочешь?

Сталин трубку достал, набил, закурил, Ленина тоже оглядел всего, спереди, сзади, и снисходительно так:

-Послушай, - говорит, - коротышка, я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся...

Ленин сразу обиделся и говорит: - Ах ты,- говорит,- лохматое ты лицо кавказской национальности!

Тот говорит: - Ты сам – лысый, зачем так говоришь?

Тот говорит: - А ты куришь и у тебя все пальцы, усы и зубы жёлтые! И нос!

Тот говорит: - А у тебя башмаки на два размера больше!

Ленин ему – в глаз! Сталин ему – по ушам!

Ленин пнул ему по лодыжке. Сталин сделал ему «сливу».

Ленин поставил ему фифан. Сталин пнул его под зад.

Ленин ему на пиджаке карманы оторвал. Тот ему на брюках.

Ленин ему по печени. Тот ему по почкам. Короче, началось!

Этот того туда, тот того туда! Друг друга туда-сюда! Катались – катались по всему Смольному. Весь пол подтёрли. Уборщице там делать было уже нечего. Отсюда становится понятно почему разнообразие трудовых будней того времени, до сих пор у некоторых пробуждает зависть.

А называлось это всё – Чистка Партийными кадрами. Уборщица придумала.

После подобных пыльных игривых сам партийные кадры чистились привычным и цивилизованным способом – в бане. Баня очищает. Баня равняет всех и располагает к общению. В бане рассказываются истории самые невероятные, самые сокровенные, самые такие, за которые в другое время вас назвали бы вруном, хвастуном и расписдзем – как это постоянно происходит с дедом Матвеем. Именно им рассказана следующая история. Рассказана простым и понятным языком.

Вызывает меня как-то Ильич к себе телеграммой срочной, приезжай, дескать, в баньке попариться... отдохнуть... туда к себе... в Разлив. Можно подумать, я баню не видал никогда. Ой, ну ладно думаю, съезжу, повидаю старичка. Взял узелок с собой, собрал значит огурчики, яички, лучок, в дороге покушать. Махорки набил карман...два кармана. Да чё пиздеть – вечная проблема с куревом-то. Мох весь постоянно надёргаю у соседа из бани-то, да шмаляю эту отраву. А он всё жалуется: чё-то у меня там то ли печка выдохлась, то ли венцы подгнили, говорит, баня-то у меня холодная стала. А я думаю: ну-ну – и пошмаливаю эту махру-то банно-мховую. Ой, чудо. Ну потом бросил конечно эту гадость курить, понимаешь, такое дело пошло: чую, как чё-то не то со мной происходит. Мох начал во всяких местах таких расти...труднодоступных...А у меня таких мест-то много на теле, поискать если. Ну да вот, чё я там...и зудит, падла...бросил короче. А! И поехал я значит к Ильичу. Приезжаю, а у него уже финны в гостях...из Финляндии. Мы их за глаза «финиками» называли. И Ленин-то говорит, вот мол, поставил я новую баню, говорит, соорудил. Ну не сам, конечно, чё пиздеть-то думаю... Топора-то, блять, в жизни не видывал. Опять, конечно, крестьяне ему всё сделали. Ну так вот, вот, говорит баня у меня финская. Австрияки мне, говорит, порубали из канадских ёлок. Давайте её, так сказать...обмыть надо! Ну, пошли мы все вместе в баню. Ленин мне исподтишка на ухо шепчет: - Я им сейчас с тобой покажу, как наш русский человек, дескать, умеет париться. – Да-а, - говорю, - это, наверное, интересно.

Пришли, значит в баньку, разулись...Всё он там уже приготовил, веники, тазики, квасу натаскал. Естественно - не сам, крестьяне опять всё ему сделали, гхы, любил халяву, ты что! Ну вот, значит, веники, всё, пар такой ядрёный – хорошо так...

Уселись на полках-то этих, ждём, пыхтим, потеем. Ильич, значит берёт ковшик, черпает воды: - Ну что, - говорит - поехали!? - и – хуяк туда! В самую матку! Блядь – как хлестанёт пар-то! Ебать мои колбасы! Жарко стало... я пониже спустился, ты что! Невозможно. А он такой говорит: чё-то маловато, говорит, давайте ещё бзднём! А!? Я говорю: - Ты чё, Ильич, ёбнулся вовсе что ли? Помрём же все здесь!

- Не ссыте – говорит, - мужики! - и ещё ковшик – хуяк! Ох, пошла жаровня! Стены затрещали, ты что! Гхы, я - на пол. Финны-то конечно... финны уже там были – на полу там сидели лёжа. А Ильич всё хлопочет, сам себе подмигивает, и ещё ковш, блять, ещё! Его трясёт уже! – Хорошо! – говорит. – Хорошо!

Мы говорим: - Ты чё, совсем уже что ли пиздякнулся? Жить – насрать что ли? Угорим же к ебням собачьим!

А он говорит: - Ничего-ничего! Ещё! – говорит, - ещё шаечку для мажору!

Ну тут уж конечно, придавила старика атмосфера и он как пал так – и всё! Ох и ржали мы там над ним! За коленки его вытащили на воздух. Он только кричит, икает и весь розовенький. Ой, мудила, насмешил нас конечно тогда, таким паром-то ядрёным...у меня весь мох поотпадал, ты что! Ну чуда-ак... Финны... финны до сих пор на нас косо смотрят... Говорят: настоящая финская баня у нас в Финляндии, а вам надо ставить свои – русские бани. Я им тогда заметил, что неважно какой принадлежности баня, суть в том с каким темпераментом её протопить...А баня, конечно, хорошая была, но...надо поаккуратней с ней...поаккуратней как-то вот...с душой, не жадничать «Ещё! Ещё!»... Вот так вот мы с Ильичём... Хорошо хоть ничего в этот раз не взорвалось! А то у нас вечно чё-нибудь... Три дня, конечно потом его отхаживали, понимаешь. Кефиром мазали, всякой другой чернёй, я уж не буду говорить, чего там нацедили у коней-то...Вот так и попарились мы с финами...в бане Финской, етить...

(Записано Генрихом фон Граусханштольцем)

*Помимо вышесказанного следует добавить, что Владимир Ильич обладал неиссякаемым энтузиазмом и гиперактивной трудоголией, что собственно и помогало ему подавлять или же воплощать (что происходило гораздо чаще) приступы «чистюлизма». Об этом следующий подробный рассказ заместителя коменданта Смольного по хозяйственной части - **Коробкова П. Х.***

Рукопись Десятая: КУДЕСНИК

По промокшим серым улочкам оцепеневшего Петрограда шёл, с первого взгляда ни чем не приметный человек скромного роста. Передвигался он мелкими, но быстрыми, запутывающими следы шагами. Спрятанное в ворот пальто лицо было хмурым и в то же время таило едва заметную светлую улыбку. Некоторые из прохожих смотрели на него радостными и счастливыми глазами, другие покачивали головами и вздыхали. Находились и такие, которые произносили исконно-русскую фразу: «Твою мать!» норовили ушипнуть или просто плюнуть в его направлении. Или наоборот, сначала плевали, а потом уже скверно ругались. Согласитесь: не скучная дорога.

Вот так, или примерно так Владимир Ильич Ленин каждый день добирался до работы, пока ему Путиловские рабочие не подарили такой же скромный, как и он сам, именной броневилок. Но это уже другая история, а пока...

Это был необычный день для Ильича. И всё потому, что впервые за много лет он не думал о тотальном уничтожении разномастной «контры», о непогашённых кредитах из Германии, электрификации, сельском хозяйстве, декретах и просто о беременных женщинах. О последних он почему-то думал, в первую очередь, глядя на звёзды или на копошавшихся в огромной весёлой куче муравьёв, но это, по правде сказать, тоже другая история... Так вот...

Добравшись до Смольного, Ильич взбежал по ступенькам и впорхнул в кабинет, где не снимая заплёванного пальто распластался в позе влюблённой медузы на своём диванчике, (который ему от всей души подарил кочегар Иволгин, так как по неосторожности прожёл его папироской и по этой причине он ему разонравился). Некоторое время Ильич лежал с закрытыми глазами что-то тихо напевая и подёргивая

носками ботинок. Потом, не по годам, резко вскочил, встал в стойку гимнаста с широко раздвинутыми ногами, вознёс руки к небу и заорал: «Я сделаю это!!!». Исчерпав весь запас энергии на прыжок с дивана и нечеловеческий возглас, он снова плюхнулся на диванчик и тихо-тихо повторяя: «Я сделаю. Я сделаю это!» - заснул.

Когда Ильич очнулся, наступил полдень. Не спеша и задумчиво испив чайку, Ленин, довольно крикнув, покрутил ручку телефона. В трубке что-то трещало и пекло. Наконец сквозь этот хаос донёсся голос телефонистки, которая тоже не могла ничего разобрать и только и делала, что «алёкала». Обозвав несколько раз телефонистку «телефонной глухнёй» и «пэтэушницей», Ильичу таки удалось связаться с необходимым абонентом, с которым он довольно долго с общался и, то благодарил собеседника, то нецензурно повышал голос, топая ногами, то стучал по столу чернильницей, угрожая засунуть её тому в кой-какое, однородное с революцией, место. Наконец, воткнув в букет дипломатии последнюю тонкую веточку веского слова и получив положительный ответ, Ильич уронил трубку и перешёл в режим ожидания, потирая онемевшее ухо. Через двадцать минут на пороге кабинета появились четыре красноармейца с преданными глазами, в будёновках и доверху грязных сапогах.

В течении следующих полутора часов Ильич объяснял суть поставленной перед ними задачи. Затем всучил им какие-то чертёжики, список предстоящих покупок и выдал пять червонцев. Потом подумал, сказал: «М-да-а...» - и забрал два червонца обратно. Солдаты, заверив: «Да мы за вас мать родную...» - удалились, оставив на паркете комки сырой глины и грязные лужицы. «Половина дела сделана!» - подумал вождь пролетариата и заметно повеселел, но увидев на полу оставленную красноармейцами грязь, нахмурился, выскочил в коридор, отнял у часового винтовку и самолично застрелил уборщицу. (Позже, вспоминая убиенную, Ленину придёт мысль о необходимости чистки рядов аппарата, и он напишет брошюру «Ничто не человеческое нам не чуждо»... Но, кажется, мы опять отвлеклись.)

Вернувшись творческое вдохновение, Ленин долго расхаживал по кабинету замысловатыми траекториями, переживая и пережевывая предстоящее мероприятие. За этими архиважными метаниями его застала Надежда Константиновна. Она с напускной строгостью, пожурив его за то, что он всё ещё не обедал. Накормила его кашей с маслом и молоком с булками. Затем достала десерт, но Ленин есть его наотрез отказался, ссылаясь на недостаток времени и изобилие совести в такой тяжёлый для родины момент. Но Надежда Константиновна всё же добила своего, пригрозив уже довольно решительно, что в противном случае разденется перед ним до нага! Ильича такой откровенный шантаж сломил и он скушал пирожное, всем своим видом показывая, что изобилие совести всё ту же затягивает петлю на его многострадальной шее. Умилённая своим (запрещённым) педагогическим приёмом, Надежда Константиновна нежно улыбалась, наблюдая за беззащитностью любимого человека. Проглотив обиду и пирожное, сытый Ильич подошёл к супруге и истинно по пролетарски поблагодарил её, крепким рукопожатием. Расчувствовавшись, Надежда Константиновна в свою

очередь тоже долго не отпускала и трясла его руку. «Самое умное, что она может делать с собственной глупостью – это гордиться нашей дружбой.» - думал Ильич, и сославшись опять на недостаток времени повёл её к выходу. Надежда Константиновна жалостливо просила его быть снисходительным к ней и внимательней к себе, дабы не переусердствовать со здоровьем в заботах о народе. Ильич поклялся очками Свердлова, что будет себя беречь, даже перекрестился, как сумел и выпроводил заботливую жену. Надежда Константиновна, вернувшись, хотела было спросить понравилась ли ему каша, но Владимир Ильич сурово, как заклинание – *«Пора! Все в бой! Труба зовёт! И под Чапаем конь дымится!»* - прочитал стих из какой-то новомодной песни - и выставил Наденьку за дверь.

Красноармейский нагрудный знак.

Спустя ещё минут двадцать вернулись солдаты. Точнее сказать, ввалились в кабинет, громко топая и крича. Красные, вспотевшие лица их светились счастьем и раболепием. Под мышками, в руках и волоком они тащили какие-то пакеты, мешки, свёртки и прочие упаковки с неопределённым содержимым. Владимир Ильич с горящим взглядом подскочил к ним, отнял всё, что они принесли, пересчитал, после резко обернувшись и пронзительно прищурившись, осмотрел каждую физиономию. Недоверие – жадной пиявкой высасывало из него адреналин. Он подошёл к одному из них, ткнул пальцем в живот, как бы на что-то намекая и спросил, а не забыли ли они чего-нибудь? пусть даже, может быть, случайно? а-а? Ткнутый пальцем побагровел, опять покрылся испариной и начал было докладывать в формальном порядке: «Да мы за вас...» - «Знаю, знаю, - смягчился Ильич, - родную мать и так далее. Это вы, конечно, молодцы!» - и опять ткнул его пальцем. Ткнутый расслабился, и пустил душок. Ленин нетерпеливо, по-революционному поблагодарил их и дал каждому по червонцу. Потом подумал и сказав: «М-да-а...» - забрал деньги обратно. Солдаты удалились, опять оставив за собой глиняные ошметки на паркете, что, не то что бы даже не ускользнуло, а прямо-таки укололо цепкий взгляд Ильича. Уже не в хмуром, а в свирепом состоянии, он, поскользнувшись и чуть не упав, выскочил в коридор, отобрал у часового винтовку и долго бегал по Смольному в поисках уборщицы. Раздосадованный неудавшейся охотой Ильич, дабы не жалеть о зря потерянном времени, застрелил часового и в спокойном, вернее будет сказать, в разряженном расположении духа вернулся на рабочее место.

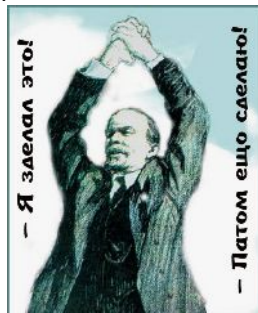
Последующие несколько дней Ленина никто не видел, да и он собственно тоже не видел никого, так как усердно был чем-то занят в своём кабинете. Всё это время оттуда доносились странные звуки, причём чередовались они довольно в неопределённой последовательности: то что-то скрипело, то лязгало, то шуршало, брэнчало, булькало, гремело и визжало. А поскольку в Смольном ошивались в основном те, кто хорошо знал Ленина, то все прекрасно понимали, что беспокоить его в такие минуты не стоит.

Наконец всё стихло. Дверь кабинета распахнулась. На пороге стоял осунувшийся и измождённый Ильич. Лишь одно осталось в его личности неизменно – не потухающий огонёк революции в глазах.

«Заходите, - сказал он, - товарищи!». Товарищи, вместе с Надеждой Константиновной осторожно вошли в обитель вождя и обомлели. Потолок сиял белизной светлого будущего. Стены оклеены новенькими обоями. Окна и двери, да что там

двери (!), даже плинтуса были покрашены. А уж паркет отциклеван и залакирован так, что в нём отражалась, висевшая на светлом будущем, люстра.

«Ну? Каково?» - деловито спросил Ильич, оттирая скипидаром пятна краски на руках. Все стали хвалить и поздравлять Ленина, мол вы у нас не только гигант мысли, но и кудесник штукатурно-малярных работ, не побоявшийся личным примером приблизить надвигающуюся новую эстетику социалистического образа жизни. После чего Надежда Константиновна, в честь такого события угостила всех присутствующих кипяточком и добрым словом. За ней слово взял Ильич. Уставший, но не сломленный, он залез на стол, выпрямился во весь свой скромный рост, воодушевленно поднял руки кверху и сказал: «Я сделал это!!!». Помолчал, подумал и добавил: «М-да-а...» - и всё в той же позе измученной любовью медузы – шлёпнулся на диванчик, который благо стоял рядом.

Так он и проспал почти трое суток. А когда очнулся, то некоторое время боялся открыть глаза, пытаясь осознать не был ли свершившийся ремонт всего лишь беспокойным, но приятным сном. Рядом, сидя на стуле, дремала его преданная Надежда Константиновна. Осмелев, Ильич долго, не шевелясь, осматривал творение своих рук, то хмурясь, то чему-то улыбаясь. Затем остановил свой взгляд на сопевшей жене и ткнул её пальцем. Надежда Константиновна вздрогнула. «А знаешь, Наденька, после того, что я сделал, я мог бы быть счастливым человеком... если бы ни эта прожженная дырка на моём диванчике... да эта грязь, которую оставили на паркете давешние товарищи... С этим надо разобраться!» - готовясь к прыжку сказал Ленин. Надежда Константиновна зевнула, вздохнула и только и сказала: «М-да-а...».

А дальше... уже совсем другая история.

Не оставлял Владимир Ильич без внимания и самые низы общества: интеллигенцию и её многочисленные прослойки в виде поэтов, художников и прочих маргинальных неофитов. Он всячески помогал, учил и наставлял только что вскипевших в котле революции работников культуры новой формации. И собственными примерами творческих потуг, вдохновил не одну плеяду талантливейшего конгломерата молодой страны, бескомпромиссно стирая грань между банальным футуризмом и идеологической «пиаровской пропагандой». Вот, например:

Рукопись Одинадцатая: МАЯКОВСКИЙ

Как-то на внеплановом Слёте Энтузиастов Поэтического Образования Народа встретился Владимир Ильич с начинающим поэтом Владимиром Маяковским и сказал, прочитав его немногочисленные к тому времени стихи:

- Знаете, товарищ Маяковский, хоть мы с вами и тёзки, но стихи ваши, извините, не в струю...и на троечку! А я вот, так сказать, пишу – глобально. Могу посоветовать примерно, как нужно обращаться со словесной поэзией. Я вот тут накропал один стих, - говорит, - и, что если бы этот стих, был написан ещё в те времена, к примеру,

Лермонтовым, то никакой бы дуэли между Пушкиным и Дантесом не случилось бы, потому что Пушкин, услышав бы эти стихи, просто напросто забросил бы всё своё писательство! Вот так вот. – говорит.

И Маяковский по стойке смирно тоже говорит: - Конечно, - говорит, - я понимаю, что я ещё совсем соплик на этих мукотворческих поприщах, научите! – говорит, - меня читать и сочинять стихи! Научите!

И Ленин достал из заначного кармана пиджака листочек и начал читать:

Криминогенное время грядёт

Распоясавшейся Революции!

Выкорчёвываем капитализма оплот,

Разложенный проституцией!

Ленин – учёный, вождь и поэт!

Маяковский, не стой на дороге!

Поэтов – тьма, как в лесу медведЕй,

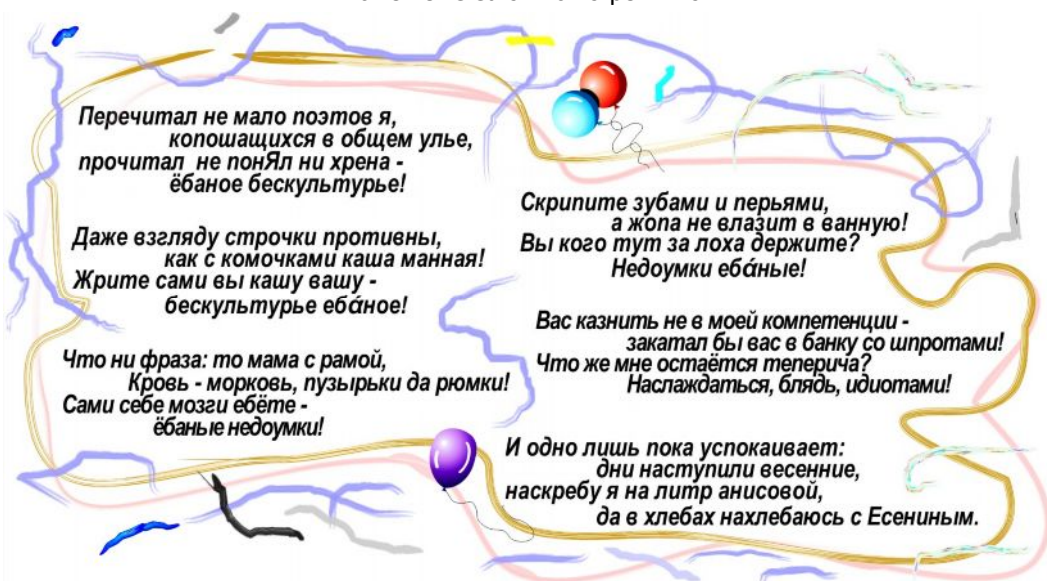
Но лишь один должен быть в берлоге!

- Ну ни чего себе! – сказал Маяковский и так и сел мимо дивана! – Владимир Ильич, да вы просто – я не знаю!

- Да?! – сказал Ленин, - А я знаю! Вот – учитесь, уважаемый товарищ молодой поэт! Даю вам такую установку! – похлопал себя по лысине и ушёл.

А Маяковский с тех пор так и начал писать, по-ленински, с напором, так сказать, со взрывною волной, вкладывая всю свою обожжённую революцией душу... Отчего потом и застрелился.

А может и не от этого, потому что Пушкин с Дантесом тоже не из-за стихов стрелялись...

После такого, кто хочешь застрелиться... Да уж...

Значительно сложнее, хоть и менее кровопролитней давалась Владимиру Ильичу Культурная Миссия в сельской местности, где устоявшийся образ жизни, необразованность, непроходимая тупость и тайга могли надломить веру в свои силы и потрепать нервы кому угодно. В заметках **Генриха фон Граухсаншольца** мы можем проследить ситуацию совершенно с другой точки зрения (чем собственно нам и понравились эти записи). Со слов старожилы села Шушенского – **деда Матвея** мы узнаем такую историю.

Рукопись Двенадцатая: СЛУЧАЙ В КЛУБЕ (Без купюр)

А какой Ленин был великий музыкант? Расскажу. Дело-то как было... Он же всё в трудах и заботах, а мы-то всё – подражаться да попить. И вот он пришёл...устал видать, смотреть на нас, приходит и говорит:

- Вы,- говорит, - меня, - говорит, - надоели!

Мы не поняли: - Как так?

- Надоели меня и всё! – говорит.

- Ну дык, Ильич, научи!

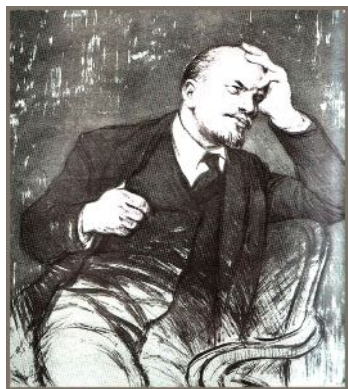
А он говорит: - Ну, - говорит,- придётся! - говорит,- Вот, начнём к примеру, где у вас здесь Клуб?

Мы, дескать, о чём это вы?

- Короче, дом, где играют музыку и танцуют после работы.

Мы тогда сразу догадались и вспомнили... И вот пришли, значит, в клуб. Ленин сразу к инструментам: балалайки всякие, шуры-муры, гармони, баяны, ещё чё-то...

Говорит: - Сыграйте мне что-нибудь, товарищи крестьяне. А мы: - Да запросто! – и давай такие - польки-бабочки ему играем, всякий репертуар местный, стараемся. А он сидит, вникает. Думаем - развеселим. Ни хуя. Сидит - серьёзный. И только поплёвывает, влево. А мы, значит такие, думаем, что делать-то? – Владимир Ильич, в чём заковыка?

Он говорит: - Никакой заковыки здесь нет. А дело в том, что играете вы, ребята, абсолютно не в стандарт!

Мы говорим: - Ну так, Владимир Ильич, мы нотам не обучены, мы же всё на память.

А он говорит: - Да я вижу и слышу, что вы, - говорит,- друзья - недалёкие! Мы говорим: - Далёкие-недалёкие, а кой-чего умеем, и просьба: нас не оскорблять, а то вы здесь – маленький и один, а нас, так сказать - здоровые и много. Может выйти какой-нибудь казус. Мы вас конечно любим, но можем и попинать.

Ну он, конечно сразу успокоился: - Вот я, - говорит,- знаю одну такую музыку, которую вы никогда не

слышали! - и достаёт он, не знаю откуда, из-за пазухи, граммофон и ставит на него пластинку. А называлась-то она... как же она называлась-то? В общем, какая-то такая... чё-то там музыка... какая-то «Обоссаная вата», блять, не помню я...

Уж больно мелкие буквы были написаны на пластинке-то...да чё я опять пизжу, я ить тогда и читать-то не умел! Ой, ну тоже, старый пердун... Правда, и щас не умею, ну это... как бы... вот. Ну значит, поставил он пластинку. Она так смачно заскрипела, а он в экстаз впал. Как стоял, так и упал. Лежал-лежал, не шевелился. Играл эта музыка играла... Так долго играла, мы уж задрёмывать стали, и тут – раз – кончилась... Ленин встал и говорит: - Нечеловеческая музыка!

"Ничего не знаю лучше "Аппассионаты", готов слушать её каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью может быть наивной, думаю: Вот какие чудеса могут делать люди!"
В. И. Ленин

Тут уж мы все как пали! Фигурально конечно, и говорим:

- Владимир Ильич, извини, не про-

няло, не зацепило и не вставило.

Он коленочки отряхнул и говорит: - Ну и член на вас!

А мы тут... нас-то тоже можно обидеть.

- Мы же предупреждали вас, Владимир Ильич, вы здесь один и маленький...

Он так слегка ссутулился. Ну а мы такие ещё, значит, заерепенились - напираем:

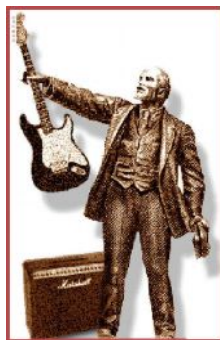
- А вот вам, уважаемый, гитарка, «Марсельезочку» нам сыграйте?

Ну тот взял её конечно, деваться-то куда? Мы же большие и нас много... Говорит:

- Лелею тайную надежду, что революционный фольклор европейской нечернозёмной полосы будет для вас более доступен. И начал чё-то там: «Марсельеза, Марсельеза!

Со-ля, фа, ми, ля – дизезы!» - какую-то хуйню нам там погнал, думал – мы такие дурачки! Это ж 54 куплета, представляешь, про фа-дизезы! Ну вообще - совсем! И закончил так же: «Конституция, революция,

разрешена в анархии проституция!» - ну не гондон, а?! То «нечеловеческая музыка», то – «проститутки», «рейтузы» какие-то? Мы слово-то «рейтузы» никогда не слыживали, только через 10 лет узнали. О-о-ой. Короче, музыку он, конечно, любил... Мы его тогда не полюбили в этот вечер, и всё... Как оно должно было быть, так оно и случилось – он маленький и один, а мы большие и нас много...

«Воспеть Русь, где Господь дал и велел мне жить, радоваться и мучиться...» - слова классика Ленину явно не удавалось воплотить в жизнь. Не везло ему с клубами. Но не такой был Владимир Ильич, чтобы спрятаться в панцирь малодушия. Тем более, что после нескольких громких терактов на территории независимой Финляндии и громов еврейских кварталов в Лейпциге – Ленина объявляли «вне закона», и назначали награду за его дурную голову... Поэтому ему приходилось тщательно эвакуироваться и «ложиться на дно», а наилучшим пристанищем для этого было всё то же Шушенское.

С Лениным я, можно сказать, дружил... Друзья были мы... я... А случилось это, когда он у нас был в ссылке, у нас в деревне. Домик такой... Даже большой дом не стал брать. Мы ему, как великому человеку: - Ленин, Владимир Ильич, возьмите дом, большой дом, вот – в самом центре! Нет... Какой был человек! Говорит, товарищи, говорит, мне бы где-нибудь с краю, говорит, на отшибе, говорит, чтоб меня, говорит, никто не тревожил, какую-нибудь, говорит, халупку, говорит, мне дайте. Мы говорим: - Владимир Ильич, зачем же так сразу-то – в залупку?! Возьмите дом! Нет. Ни за что не берёт. Сильный был характером. Правда, маленько хитрый... И опять же с юмором у него туговато было. Идём мы иногда к нему... или приду я, скажем, скажу: - Здравствуй, Владимир Ильич!

- Здравствуй! Ты кто? – говорит. А я ему, мол: - Ходок. Ходок к тебе!
Он говорит: - Ты – ходок, а я – кто?

- А ты – на халяву едок!

Смеемся вместе с ним... я смеюсь, а он рядом стоит...щурится.

-Как это, - говорит, - на халяву едок?

Я говорю: - Я вот тебе хлеба принёс?

Он говорит: - Принёс.

- Ну так и жри на халяву!!! Смотреть ли чё?!

Смешной был мужик...да и мы... не лучше...Ох, как шибко мы... его любили-то. А по грибы, м-м-м, как ходили мы по грибы с ним! Бывало он идёт...мы, всей деревней... Он от нас в сторонке, вроде бы как чурается нас...дескать – гольтьба... Ну сам, конечно, тоже был не из дворянских кровей, а так... царей бомбами попугать... Ну это Сашка у него такой брат был... Ну того-то мы не любили, конечно... Ну да и хуй с ним... Ну, в общем, он от нас в сторонке... Ну, мы-то люди деревенские, мы понимаем где грибы искать, а он-то откуда знает?! Маленький, лысый человечек, откуда он может знать как грибы растут? Мы за ним... нам грибы уже неинтересны, мы – за ним...Он, значит, чё-то между ёлками – раз-раз-раз...Смотрим, выносит во-о-о-от такой гриб, блять! У нас глаза тоже – во-о, до глубины души! – Ого!- говорим, - Владимир Ильич, где взял?!

А Владимир Ильич: - Где-где... в пизде! – говорит, и сплюнул ещё.

Мы: - Ха-ха-ха, твою мать! Неужели Надежда Константиновна с вами?

Он говорит: - Да как вы...да что вы,- говорит, - совсем что ли охренели? То тебе – дом – залупа, то у Надежды Константиновны грибы по два метра в пизде растут! Вы чё, - говорит, - кашу-то помешивайте! Я вам вождь, а не чучело какое-то, блядь, бразильское!

- Да ладно, не обижайся.

Но гриб-то хороший попался! Всей деревней жрали его целую неделю. Жарёха, парёха, пердёха, всё... грибовница. Хорошо было и мужик он был хороший. Жил-то он, понимаешь, человек был широкой души. То хорошо ему, то – плохо. Мы-то люди деревенские, нам и оглоблей по едалу – не проймёшь. А он-то и от слова может заразиться. Как вот, допустим, обидишь его, назовёшь, скажем: «Ильич – хуич» - обидится! А уж как от Бога-то отнекивался... вот за это, конечно, мы его не любили... Как скажешь, допустим: - Владимир Ильич, съешь кулич! – всё! неделю с тобой не разговариват. – Пошто вы мне всякую эту херню навязываете?

Мы говорим: - Владимир Ильич, может и вы какие-то свои штуки имеете, так поделитесь, мы люди тёмные, деревенские. Во, кстати, не расскажите ли нам откудова это слово – то взялось «деревня»?

Он говорит: - Эх, босота, слушать даже неприятно! Знаю, конечно, - говорит. – Это, - говорит, - значит – из дерева, и значит - которые люди живут в деревянных домах в деревне, и значит – люди деревянные! Этим людям - что сучки, что опилки! И с этими людьми можно революции рубанить только так!

- А на хрена?

- А чтобы было до хрена! И чтобы раз и навсегда покончить с капитализмом!

Капитализм это – что? Эксплуатация человека человеком! А при Коммунизме будет всё наоборот!

Во какой был умный мужик.

Ну так вот... за что мы, значит, его любили-то ещё..? Да, в принципе, как бы, и любить-то его было не за что. Но чё-то вот в нём было такое... глаза... такие... голова...такая вот... лысая, добрая... Ну, нормальный был мужик... Вот...

(Записано писарем Генрихом фон Граусханштольцом.

Замечание: «Это, блять, что-то!»)

В часы же релаксации Ленин предпочитал отдаваться природе. Природа отвечала ему взаимностью, безропотно впуская его в своё лоно. Здоровый образ жизни шёл на пользу Ильичу, хотя и в ущерб природе, о чём свидетельствуют массовые свидетельства аборигенов Шушенского. Рыбалка заменяла ему – написание трудов, поход за грибами – субботник, поход за ягодами – массовые расстрелы, общение с Надеждой Константиновной – интимные отношения.

*В нижеследующей объяснительной записке писарь **Демьян Кадык** расскажет удивительные подробности проявления нечеловеческой любви Ленина к размеренной сельской жизни и крестьянскому скоту:*

Рукопись Четырнадцатая: НА ПРИРОДЕ (Из летописи Шушенского)

«Очень Владимир Ильич любил бывать на природе, в деревне. По лугам походить, на леса посмотреть. В бинокль. Очень любил он лошадей. Хотя из мяса предпочитал баранину. А лошадей Владимир Ильич любил за то, что они были вегетарианцами, как и он. И лошади отвечали ему тем же. Бывает, гуляет Ильич с конём по долинам, по возгорьям, вместе щавель покусуют, клеверочек пососут. По Владимир Ильич коня за ушком почешет, то конь об него потрётся. Потом вместе идут в обратном направлении, на водопой. Водички похлебав, после чего идут на речку.купаются вместе. Друзья были – не разлей вода. Разговоры разговаривали. Ильич, к примеру, говорит: «Вы знаете, товарищ мерин, я, – говорит, - так думаю, что старый конь борозды не испортит и под лежащий камень мочиться не станет.» «Да. – говорит конь. – Под лежащий камень мы всегда успеем.» И лягут тут же вместе на борозду. Конь – поперёк,

Ленин – вдоль. Отдыхают. Лежат, на темы всякие рассуждают. Например, Ленин говорит Коню: «Вот видите, товарищ конь, какая у вас судьба незавидная, все на тебе пожалуйста ездят, кому не попадя, а вы вот ни на ком не ездите, не правите и не понукаете. Натурально рабоче-крестьянская у вас судьба, я считаю. Где же здесь справедливость?» «Да.» - кивает ему конь, а сам потихоньку на Ленина карабкается. И катаются так вот они опять же вдвоём. По коню на Ленине, то Ленин под конём. Этим и проводят время с утра до позднего вечера, пока один из них не свалится, убаюканный мировым ритмом и духовной вибрацией планеты. Как правило, это был Ильич. И конь над ним никогда не ржал и не будил пресыщенного любовью к природе великого человека.»

Как бы там ни было, а народ Шушенского села не остался равнодушным ко всему происходящему и будоражащему размеренную жизнь во время нечастых, но незабываемых приездов Ильича на Сибирскую землю.

Рукопись Пятнадцатая: КРЬЖОВНИК (Народная Шушенская Песня)

Заблудился Володька в лесу...

На охоту пошёл, на лису.

То ли к зверю в берлогу попал,

то ли вывихнул где-то ногу?

Может где-то сидит на пеньке,
сжав последний сухарь в кулаке.

Может компас он свой потерял?

Иль прилип бородёнкой к сосне?

ПРИПЕВ: Пой, Володька же вьюге назло!

И тропинку до хаты ищи.

Улыбайся, как прежде и пой.

И удачу за лямку тащи!

Но Володька не лыком был шит;

знал он эти лесные дела –

Он в засаде таился три дня,

чтоб удачной охота была.

И всегда был спокоен, как штык,
не бесился и не психовал.

Наступал всей природе «кирдык»,
когда он на охоту шагал.

На медведя ходил в одного.

На лисицу ходил в одного.

И на зайца ходил в одного.

А ещё по грибы он ходил.

И всё-таки невелик был отпуск великого человека. Лето пролетало быстро. И с первыми заморозками снова пришлось браться за ум и праведные труды революции. Однажды случилось так, что за всё лето Ленину не удалось побывать ни на Капри, ни в Шушенском. В связи с обострением на передовой Ленин всё время был вынужден проводить в своём рабочем кабинете. Из-за нехватки кислорода, аминокислот, витаминов Е и В, Ленин задыхался. Очень доставало ему того благодатного и омолаживающего эффекта природы – источника позитивной энергии, так необходимой во всех начинаниях.

Рукопись Шестнадцатая: АКВАРИУМ

Как обычно сидел Ленин в Смольном, кропал свои труды – бумажки. Писал, писал безвылазно, ну и уписался в конец. В том смысле, что – утомился. Глянул вокруг себя – всё как-то серо и не евроремонт. Мрачновато и угнетающе. Сплошная ипохондрия и природы не хватает. По совету дежурного фельдшера, для экологического равновесия придумали поставить в кабинете а к в а р и у м. Заказали у тульских мастеров. Сделали, привезли, установили. Всяких рыбок покидали, водоросли, лопухи, улитки – всё! Полная биологическая эйфория. А для вящей глубины восприятия

запустили в кабинет с полдюжины мух. Ожилась атмосфера. Радуетесь Ленин. Здоровьем повеселел, на щеках румянец уже не такой бледный

И вот однажды утром подходит Ильич к аквариуму, глядит: там что-то плавает. Заинтересовался: что же это может быть? Может рыбы какую икру наметали? Дай-ка поближе посмотрю. Закатал рукава, вытащил – нет, не икра. Принюхался – да это же – говно! Ну ни хрена себе! Откуда говно-то, я вроде бы и не ел сегодня. А может – не говно, подумал Ленин, откуда в аквариуме говну взяться? Понюхал... три раза понюхал... Говно! – три раза пришёл к заключению Ильич. И озадачился: кто же это сделал? Это ж какая рыба могла так подло и неэстетично поступить? Тут входит часовой, сразу видать пролетарского происхождения и не дворянских кровей.

- Владимир Ильич, какую жопу вы там смотрите?

- Совершенно верно, вот, пытаюсь догадаться...

- Какая рыба плавает быстрее всех?

- Нет, товарищ часовой матрос, я думаю, - и показывает ему кучку, - это ж какая рыба могла столько насрать!?

Тут товарищ часовой матрос ему и говорит:

- Тью-тю, да что же тут интересного? Успокойтесь, Владимир Ильич, и позвольте вам признаться: это насрал – я! Матрос Железняк!

- Ну-у, товарищ матрос часовой...да что это... как же... в самом деле... это...вы...это же ни в какие...ну я не знаю...я поверить не могу...вот уж...спасибо, вы меня – успокоили.

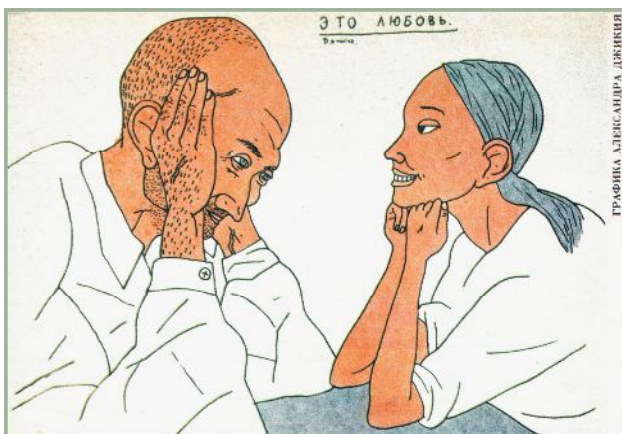
И приказал расстрелять матроса Железняка.

Как видите, отсутствие экологического баланса имеет негативное влияние не только на внешнюю атмосферу социума, но и на внутреннее моральное разложение личности. Когда противоречивость совершённых и не совершённых поступков усугублялась тем, что начинались сниться грибы, Ленину, наученному горьким жизненным опытом, приходилось прибегать к традиционным методам снятия стресса. Об этом повествует отреставрированная граммофонная запись из архивов ВЧК.

Рукопись Семнадцатая: ЗЕВС РЕВОЛЮЦИИ

Бывало Владимир Ильич, в перерывах меж архиважными государственными делами, расслабится, выпьет наливочки и давай до жены своей докапываться, мол изменяла, нет ли? Табачком ли втихоря не баловалась? Мылом ли не спекулировала? А Надежда Константиновна и глазом не моргнёт, и на наливочку заигравшую не обижается. Владимир Ильич лукаво так хихикает и опять спрашивает: «Вот мы Наденька, всё эволюции делаем социалистические, а ебёночка сделать как-то выемени нету, а ведь полноценная семья-ячейка сознательного общества!» Надежда Константиновна

котлетку телячью на сковородке перевернёт и отвечает ему: «Прав ты, Володенька, не по годам. Да уж старенькие мы, ребёночка заводить. Вот собаку нам завести ещё куда ни шло. Другое дело - ребёночек.» Ильич в блокнот тут же что-то запишет, карандашом в ухе поковыряет и вторит ей: «Какой же нам, Надюшенька, толк от собачки? Читать она не умеет, собеседник из неё тоже не ахти, только котлетки мои телячьи тыить

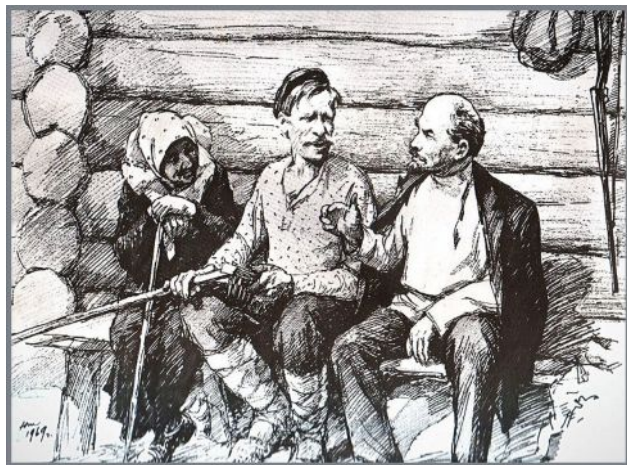
будет! И вообще пьи коммунизме, Наденька, ни собак не будет, ни кошек мещанских, а будут только полезные животные. К пьимеу, баашки всякие, козочки дойные и каовки с телятками... Да и для статусу политического ебёночек необходим! У каждого гхаспоследнего кьестьянина ебёночек имеется, а где и с десяток набейется единиц живой плоти подгхастающего поколения. А я ведь, Надюша, далеко не кьестьянин. Я, как никак – Зевс Коммунизма, шишка весьма важная и завсегда на виду.» Заботливая супруга Зевса Коммунизма опять котлетку перевернёт, маслица брызнет и отвечает: «Так Володенька, как же мы ребёночка делать будем, я тебя ни разу голеньким-то не видела. Ты ведь даже в бане в пижаме паришься!» «Ха-ха-ха! – смеётся Ильич, - голеньким! Хи-хи-хи! Не видела меня голеньким! Ой-ой! Так ведь на то, Надюша, и конспирация! Нельзя мне, хи-хи-хи, голеньким. Опять же... статус.» «Ты, Володя, глупости всё говоришь. На вот, котлетка твоя готова, кушай на здоровье.» «Спасибо, Надюш, спасибо... А что маслица пожалела так ты уж в следующий раз не желей. Кьестьяне ещё принесут!» «Да я и не жалею, Володенька, просто котлетка и так жирная, а у тебя печень никудышная и соляные отложения в пятках.» «Да-а, Наденька, здоовье – дынья... Ну а что, если нам в пьиуте ебёночка взять? Ведь, скажем, неизвестно на-

вейняка знать кто будет: девчонка или мальчонка! А в пьяноте – на тебе: хочешь – девчонку, хочешь – мальчонку, хочешь – ещё кого, и беемной ходить не надо!» «Вот, хоть Володя, и прав ты как всегда не по годам, а нет-нет да и скажешь какую-нибудь глупость. А если этот ребёночек из приюта хворый окажется, издохнет или ветрянкой пойдёт? Это ж какой тогда урон твоему статусу? Ты чего же котлетку не доел, дефицит ведь с белками!» «Ничего, Надюша, кьстьяне ещё пьинесут. Эх! Хаа-шо в стхане советской жить! А что, Наденька, давай и ты со мной наливочки деябни?!» «Ой, да что ты опять со своей бормотухой! Не помнишь уже, как с аллергии мне нехорошо было? Иди-ка лучше воды натаškai, простирнуть чего. Вон, подштанники твои, после последнего субботника пахнут, стыдно сказать чем. Говорила же, не поднимай тяжёлого, нет - туда же, статус его обязывает!» «В этом, Надюша, ты в кохне пгхава.» «Да уж какие там корни? Мужики-то все привычные, а ты у меня – человек мыслительной работы. Тебе революции делать надо, а не брёвна таскать!» «Да-а, эволюции – это моё кьедо!» «На вот, чаю выпей, хватит бормотуху-то хлебать.» «Давай, Надюша, давай... Фу-у! Вон какая! Ты чего мне налила?!» «Так это чай морковный - для печени и для зрения полезный!» «Это что же, кьстьяне пьинесли?!» «Ходоки, Володя.» «Ну я им устгхоу пгхогаботку! Мохковками меня пичкаты! Это меня-то - Зевса Революции и Коммунизма!» «Ну успокойся, Володенька, нельзя тебе волноваться, вон опять макушечка вспотела и пятнами пошёл.» «Никуда я не пошёл. Я за кьстьян волнуюсь! Гавнодушие в наше неустаканившееся вьема синоним – пьеступления!» «Ладно уже, Володь, успокойся. Подумаешь: не в хрюшку кормушка. Ну хочешь, наливочки с тобой выпью, или хочешь, пойдём ребёночка делать?» «Пьости, Наденька, но пьи такой опущенной сельскохозяйственной обстановке дел в стгхане, с ебёночком вьеменно пьидётся повьеменить!» «Ну что уж теперь... Не всё сразу... Давай, ложись. Отдохнуть тебе надо. Ложись вот так, баюшки, вот хорошо, баю-бай, баю-бай...»

Вот так или примерно так расслаблялся в свободные минуты Владимир Ильич. А Надежда Константиновна доела телячью котлетку, помыла посуду, осторожно укрыла спящего Ильича пледом и прикорнула рядом, на кушетке, смотреть сны про революцию, тяжелые брёвна и несчастных приютских ребятишек.

«...Он нередко принимал странную и немножко комическую позу – закинет голову назад и, наклонив её к плечу, сунет пальцы рук куда-то под мышки, за жилет. В этой позе было что-то победоносно-петушиное, и весь он в такую минуту светился радостью, великое дитя окаянного мира...» - таким его запомнил писатель **Максим Горький** и совершенно другим мы видим Ильича на страницах **Генриха фон Граусханшольца**. Впрочем, удивляться ли многогранной личности нашего героя или разносторонности мировосприятия писателей – доставляет одинаковое эстетическое наслаждение.

Рассказывает дед Матвей.

Сижу как-то вечером-то, манок на трясогузку починаю. Бесплезная, но – вещь! И тут значит, прибегают мужики. Говорят: - Что случилось! Что случилось! Я говорю: - А что случилось? У нас постоянно чё-то случается. Чем удивите-то меня таким? Они: - Пошли!-говорят,- Там из Надежды Константиновны чё-то выпало! Я думаю, как так из человека что-то выпасть может? – Ну пошли, - говорю, любопытно мне стало,

что ты. Приходим значит, а она лежит, икает, вся какая-то...бледная. - Ну что такое, - говорю, - что за беда? А бабы-то там уже, говорят, что мол как выкидыв у неё произошёл, ну или чё-то вроде этого. Вот. Потом глянули на хуйню-то эту выпавшую: лежит такое, чё-то бесформенное... какая-то поебень. Пригляделись блять повнимательнее - всё равно не понятно... Потом кто-то значит выдвинул версию, дескать это аппендикс у неё. Говорят,намедни обожралась потрохов курячих, блядь, так видимо чё-то у неё там – несварение какое-то. Народ у нас хоть и тёмный, но, падла, догадистый. Ну вот. Ладно, бабы-то они её какими-то средствами значит чё-то там...лопухи намотали, куда-то там не знаю, и как-то вроде маленько ей полегчало. Да-а.

А вот Ленин, тот конечно, расстроился, ты что-о... Он ведь такой был...у него-то душа знаешь какая... как глобус, блять. Вот значит, загоревал мужик: не ел, не пил, не спал – это ж не человек же ж, понимаешь, ему мыслить надо! А тут – такое! Ну значит, мужики притащили, кто там я уже не помню, крошки прошлонедельной. Корыто. Накормили его. Вот. Потом смотрим, чё-то у него глазки-то, и так узкие, ни хуя не видно, как будто две пизды, блять, а тут вообще – ни хрена, понимаешь! И блять, глаз не видно – но блестят. Вот так вот! Подошёл я, посмотрел поближе, в эти два огонька-то – ёб тыть – он же ж – пьяный! Ха – ха! Ну это, видать крошка слегка забродила – лето всё же как никак. Ну и точно – сидит, головка покачивается, и всё в корыто поглядывает – не доел. Ну дали конечно докушать. Доел... Смотрим дальше, сидит, даже губы не обтёр, сидит и будто бы ещё грустней стал. Ну это ж понятное дело – недогон! Это ж мне блять представляется самочувствие – хуже чем после аппендикса! Мы с мужиками перемигнулись значит: кто – самогонки, кто – наливочки – давай в общем это дело всё, так сказать, здоровье-то лечить ему. Ну и сами заодно конечно ж, что ты. Как говорится, чем больше выпьет комсомолец, тем меньше выпьет хулиган! О-ой, нахуянькались-то как! Повод к тому же тем более не пустяшный, да. Ну пили-то пили, мы люди привыкшие... А вот Ленин-то, понимаешь... шибануло его, понимаешь, по башке! Начал хуйню всякую выкидывать. Сперва, как водится, речь повёл: - Вы, - говорит, - знаете, что такое – Призрак Коммунизма?! Блять, нам страшно стало, ты чё, мы люди суеверные, шо блять за призрак такой?!

- Это, - говорит, - Я!!!

- Тьфу ты, блять, ячень стрижёный! – мы ему говорим, - Хоть с нами и крестная сила, но ты это, как бы, мужик – полегче народ-то пугай!

Так чё ещё дальше-то он удумал, ты понимаешь ты, понесло же его, мужика-то. Ни разу ж не пил никогда ведь! Вот. Давай значит, чё-то на столбы лазать. Линейку портняцкую откуда-то вытащил. Блядь, раз 15 его за портки сдёргивали, дурня! Лезет и всё! Неуёмный такой и цепкий, падла.

- Чё те надо-то на столбе, Ильич?! Нажрался, так сидел бы на лавке, блять! Убьёшься ведь на хрен! Нет, сука, блять, обезьяна ёбаная, лезет и всё, на хуй! – Чё, - говорим, - надо-то?! Объясни!

А он говорит: - Пуст! – говорит. - Хочу... лампочку повесить, ебёна мать!

Мы растерялись: - А чё это за хуйня такая?!

Ну он какую-то лабуду погнал, дескать, чё-то, какая-то стеклянная пиздюлина и, короче, сука, светится!

- Ни хуя себе блять! – говорим. - Ну дело в принципе-то хорошее, ты давай только не сегодня.

- Да, - говорит, - чё-то и взаправду сегодня вестибюляция не ахти...И столбы у вас, ебёна мать, кривые.

- Ах, ты, пиздюк! – думаем...столбомер членов!

Потом значит чё он ещё учудил-то, блядь такая. – У вас, - говорит, - рожь, - говорит, - неправильно колосится!

Мы говорим: - Как так?!

У вас, говорит, всё вдоль, а надо, говорит, поперёк. Поперёк каких-то... миридиванов. И это, говорит, типа такие полосы, которые, говорит, вокруг земли...да. – Надо это дело исправить! – говорит. Схватил лопату, побежал в поле, давай чё-то рыть! Да ещё не тем концом, блять, да и не там, и не во ржи вовсе, блять, в крапиву залез, чудила! Кое-как его оттуда выволокли. Весь в волдырях по уши!

Потом блять, что сделал-то он, понимаешь ты, там уж вообще его, блять, шибануло конкретно! Короче, увидел белку – и за ней! Та – туда, он – за ней! Та, бедолага – сюда, он – за ней! – Стоять! – говорит, - сука! – и нам ещё кричит, - За мной! За мной! Все – за мной!!!

- Куда за тобой-то?! Куда?!

- Куда-куда?! Ебать верблюда! – кричит и голос такой нечеловеческий. Какая такая верблюда? Мы не поняли - чё такое? У нас в деревне никаких верблюдей нет.

- В вихре яростных атак не расквась себе пятак! – отвечаем. А он... Короче, съебался он от нас. Часа два мы его ждали. Нету и нету, уж и светать начало. Пошли искать. Ходили-ходили по лесу-то. Глядим, из муравейника жопа торчит. Подходим, пригляделись – точно блять – его жопа! Вон - ещё от крапивы волдыри остались. Думаем: как вытаскивать-то. Все ж боятся, блять, понимаешь. У нас же муравьи-то – во! Самый маленький – с полруки! Понимаешь? Ну это я напиздел, конечно, но с ладошку – это точно! Курей таскают, ты что! Ну вот думаем, как выконапатить-то его, страшно, блять. Ну решили пропихнуть его...блин, клином, так сказать. Обошел я муравьиный

домик с другой стороны значит, и каким-то пиканом ткнул ему в темечко и он там, где надо выпал! Оттащили мы его, давай в чувства вертать. По щекам бить, по роже, за уши трепать... Долго он в себя не приходил и... нам это понравилось. Но потом мы уже тоже запыхались и он вроде как очухался... Ну - ху-ма-но-ид! – смотреть страшно! Голова, как душа стала – как глобус, блять, России. А хули... активный отдых хоть и полезен, но выматывает. Особля с непривычки. Хорошо хоть что он свою меру не знал, а то бы ещё больше выпил. И неизвестно бы когда остановился.

- Ну, - говорим, - Ильич, помнишь хоть что чудил вчера? Что Надежда Константиновна у тебя захворала?

- Кто, - говорит, - такая?! Мы говорим: - Вот ни хуя себе – кто такая!? Жена твоя! – говорим, - блять!

- Чур, - говорит, - меня, чур! Какая жена, блядь?!

Недели две он потом вспоминал, что у него жена есть – Надежда Константиновна. Вот. А потом точно, да, опознали: это из неё оказывается лопнувший аппендикс выпал. Семечки она ела с шелухой. Ну не выпал, выблевала она его, понимаешь ты? О-ой, вот из-за такой...из-за аппендикса, из-за семечек блять, такая вот хуйня случилась.

А Ленин-то потом, после этой-то фигни, поклялся на «Декрете о Запрещении Неумеренного Потребления Алкоголя», на этом Декрете, на рукописи будущей, так сказать Конституции – поклялся перед зеркалом и торжественными словами сказал: - Больше, - сказал, блядь - никогда!

(Замечание от писаря: «Это, блять, шоб мы усе так пили!»)

Так они и жили: по великому - просто и по простому – велико; ибо в этом и заключается красота и подлинность любой человеческой жизни. И пусть даже перипетии этого художественного образа немного и преувеличены, но чем более мы сопереживаем нашим героям, тем более чувствуем себя причастными к происходящим здесь событиям. И может быть это звучит как заблуждение, но ведь всей правды мы всё равно никогда не узнаем.

Рукопись Польнная: ПИПЕЦ

Всю ночь Ленин кряхтел и ворочался, как глист, взбуровив простыню в тугую колбасу и порвав в трёх местах пододеяльник. Проснулся он от жуткого запаха чего-то страшного. Рядышком на корточках возле кровати стояла озабоченная супруга и держала плوشку с отваром полыни. Ленин проковырял пальцем глаза, посмотрел на жену, как на предателя человечества и запричитал:

- Опять ты мне, Надюша, эту вонючку норовишь в ноздри или ещё куда похуже залить!? Я конечно ценю все твои старания, но и ты прими во внимание, что я хоть и гений, а всё же живой человек!

- Ты лучше выпей. Полынь – она полезная, хоть и пахнет непристойно. Ты думаешь, я для своего удовольствия? Просто больно на тебя глядеть, как ты во сне кульбиты выполняешь. А если бы я голову твою одарённую из наволочки не выкрутила, так бы синюшным эмбриончиком и очоурился! Пей!

Ленин загнув куда-то деловитый, непроставшийся взгляд, дескать, с ним такой нелепости просто быть не могло, всё же выцедил ненавистную микстуру.

Дальше был цирк. Ленин сморщился, как курячья жопа, один глаз закрылся, другой погас. Язык свернуло ватрушкой и выкручивало аки кишку во время спазма. Небо стало шершавым, как рашпиль и невозможно зудело – Ленин сходил с ума!

Он было потянул руки к Наденьке дабы придушить её (своей любовью), но руки предательски кривлялись и не слушались хозяина. Наконец приступ дал отбой и Ленин блеванул на пол всё той же, болотного цвета, полынью. Не забыв при этом забрызгать и письменный стол, и Надин фартук, и свои домашние тапочки. Затем уставив взгляд на супругу, а указательный перст на лужу, многозначительно произнёс:

- Вот здесь, Надежда, могла бы находиться моя многострадальная смерть и виной этому были бы твои никудышные фармацевтические познания. – Вождь опять закатил глаза и откинулся на спинку кровати.

Минут через двадцать Ильич окончательно оклемался, потянулся, сладко зевнул и уже спокойно обратился к супруге:

- Я тебя, Надюш, хоть и уважаю, как подругу дней моих суровых, но ты всё же меня, пожалуйста, этой поганью более не гноби. Взяла моду травками меня нашипиговывать! Эдак из меня скоро сучья да корешки полезут, знавал я одного такого, а я ведь не растение какое, не пенёк, не баобаб и не кактус.

- Ой, ну будя тебе скрипеть-то. Скажи лучше, чего ты каждую ночь ворочаешься, как пиявка на сковороде, спать нам обоим не даёшь?

- О – о – о! – важно протянул Ленин, снова и убедительно закатив глаза в неизвестность. – Это, Надюша, пипец и полное нервное истощение. Сон меня гнусный уже с месяц как преследует. Будто прихожу я, как обычно по утрам в Смольный, и только собираюсь по лестнице к своему кабинету подняться, как навстречу, из ниоткуда, предо мной – Дзержинский, как чёрт из коробочки, разве что рогов нет. И вопрошает ехидно так: «Где,- говорит, - ты, Володя, денежки-то экспроприированные выкаешь?» - и ходит вокруг меня, как вошь разглядывает, а у самого глаз хитрый-хитрый и правой рученькой у себя в галифе шары свои волосатые перебирает, позвякивает. Я хочу ему что-то ответить, а рот

мне будто воском закапали и нитью суровой заштопали. Руками только зигзаги в воздухе да трафареты рисую, а сказать ничего не могу. Он же видя мою немощность, ещё пуще меня плющит: «Отдай,- говорит,- половину товарищам червончики потаённые, открой секрет – где нычку спрятал!» Я уже чуть не в слёзы, а он вдруг, как рванёт у себя из-за пазухи чулочек, червонцами туго набитый, да как зайдётся смешком козлиным! «Уж не в этом ли чулочке капиталец-то утаил общаковский!» Я было руки-то тяну к чулочку заветному, а у Феликса вдруг из задницы пружина как выскочит – и прыг-скок, прыг-скок от меня, и только смех козлиный по тёмным коридорам

витает...Бр-р-р! Вот, Наденька, какой кошмар меня каждую ночь по простыням волоком таскает. Одно слово – говённый сон!

Надежда Константиновна, ничего не ответив, пошла на кухню. Долго гремела там сковородками да чугунками и, наконец, вернулась.

- На месте, на месте наш чулочек. Лежит, где ему и положено, в буфете, под морковкой. А сон действительно – говно.

- Уф. – облегчённо вздохнул Ильич. – Вот уже и светает, Надюша, а у меня сегодня мероприятие ответственное. Ты бы налила мне чайку горяченького, а то выходить скоро.

Ленин прыгнул с кровати, сделал парочку упражнений, умылся, оделся, бегло просмотрел вчерашние планы и записи, смачно потёр ладони, что-то хрюкнул себе под нос и пошёл завтракать. Надежда Константиновна уже ждала его. Она любила смотреть, как он чавкает, уплетая баранки и сдобные булочки.

- А что за мероприятие, Володя? Опять субботник или ещё какая революционная ерепень?

- А вот и не угадала, Надюша! Меня рабочие пригласили митинг с броневи́чка провести. У них там директор запойный и постоянное недовыполнение плана. У вас, говорят, язык хорошо подвешен и всё остальное. Постремайте, говорят, нас по-взрослому!

- Не ходил бы ты, Володя. Ну вот неймётся тебе! Опять ведь пульнут в тебя! Пальто жалко, почти новое. На нём три штопки всего!

Ленин поперхнулся, закашлялся до слёз, кое-как отдышался, потом, с некоторым сочувствием, посмотрел на супругу:

- Вот ты, Надюха – деревня, деревня и есть! Пальто пожалела!

- А ты вспомни, в позапрошлом разе, Вова, во время субботника, пока ты на бревне болтался у тебя безпризорники кепку сдёрнули и утикали? Кто потом ревел всю ночь да ногами топал?

- Дак ведь нет худа без добра, Наденька! Мы потом такую чистку по городу устроили, хи-хи-хи, что у меня кепок теперь на три жизни столетних хватит! Хотя каждый день по десять штук сдёргивай, хи-хи.

Надежда Константиновна вздохнула и пошла в комнату убирать мужневу блевоту. А Ленин допил чай, рассовал по карманам оставшиеся баранки, на цыпочках прокрался в коридор, сдёрнул с гвоздика пиджак и прошмыгнул за дверь.

На улице его уже ждал, пыхтя и полязгивая, свежевыкрашенный вонючей краской, броневи́к. Из люка показалась чумазая, но счастливая физиономия водителя. Он что-то орал и жестикулировал Ленину, но из-за грохота броневи́ка трудно было что-то разобрать.

- Вы за мной?! – орал Ленин, тужась до красноты.

- Чево?!

- За мной, говорю, товарищ?!

- Да ни хуя я не слышу! – отвечал, явно не знакомый с классической литературой водителя.

- Помогите мне залезть!

- Залезай! Хули встал там, как полуёбок?!

- Я – Ленин! – пытался привлечь уважение к своей персоне вождь.

- А-а, так бы сразу и сказал! – наконец-то сообразил бронешофер, а про себя подумал: «Вот, пездол, нет чтоб сразу сказать, спрашивает всякую хуйню, ни хрена не разберёшь, а я тут уши наизнанку выворачивай!»

Ленин не без помощи «культурного» водителя взобрался на броневик и уселся рядом с люком. – Трогай!

- Залезайте внутрь! – орал водила. – Там тише!

- Спасибо! Я здесь посижу!

- Кому засажу?

- Я говорю, здесь посижу!

- А-а, ну дело ваше!

«Да уж не ваше, конечно!» - подумал Ильич, а вслух прокричал: - Мне пожалуйста, на заводскую площадь! И прошу вас: никуда не сворачивайте, я опаздываю!

- А мне по хуй куда ехать, товарищ Ленин, здесь одна дорога!

Чумазая голова шофера провалилась внутрь гремющей машины военного прогресса и они поехали. Ленина всю дорогу подбрасывало и тошнило. Он гнусно ругался в сердцах и проклинал водителя броневика, сам броневик, всех тех, кто придумал такую машину, всех, кто её построил и Дзержинского!

Через полтора часа, пересчитав всех ворон и все столбы, они были на месте. Чумазый, но счастливый водила заглушил свою тарыхтелку и вылез наружу.

- Ну вот и добрались, товарищ Ильич!

- Да, я вижу, даже очень чувствую. Спасибо, товарищ.

- Владимир Ильич, - закуривая спросил водитель, - а взаправду говорят, что у вас два мозга?

- Что вы! Уверю вас, это всё сплетни и выдумки троцкистов!

- А-а, значит – пиздёж и провокация?

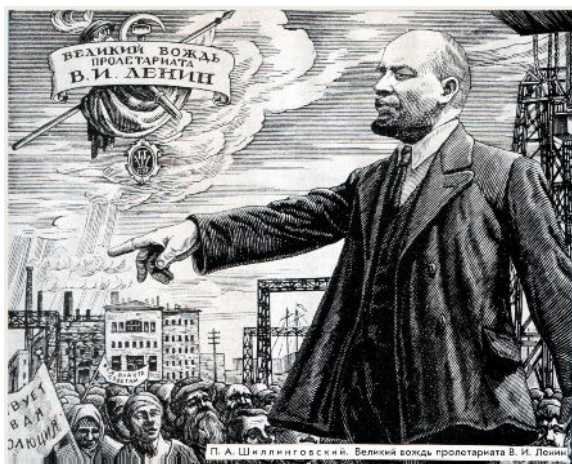
- Что-то в этом роде.

- А я вот ещё слышал, на базаре люди говорили, будто сподвижница ваша, Надежда Константиновна, когда на пляжу загорает, никогда не раздевается, потому как у неё всё тело волосатое и грудей нету – правда али врут?

- Ну-у, этого я, дорогой товарищ, знать не могу, потому что не проверял.

К броневiku подбежал какой-то активист в суконной телогрейке и кидая руки в небо стал неистово орать: - Ленин приехал! Ленин приехал! Ура!!!

Толпа дружно подхватила приветствие и над площадью, как во грозу громом катилось: Ле-е-н-и-н! Ле-е-н-и-н! Все кидали головные уборы вверх и тупо орали. Ленин в привычной ему манере вытянул руку вперёд, ухватил пару кепок и засунул в карман. Толпа потихоньку утихла и вождь, приняв стойку оратора всея пролетариата, приготовился произнести

речь, которую он готовил целую неделю. И только над площадью пронеслось: - Товарищи рабочие! – как раздался сухой выстрел и Ленин вздрогнувшей своей тушкой шлёпнулся на брусчатку. Последнее, что он видел перед тем как впасть в незабываемые были грязные сапоги рабочих, всё та же брусчатка, да чёрная крыша броневики. И одинокая, как последняя улетающая на юг птица, мысль, промелькнула где-то в глубине затуманивающегося сознания:

«Вот и пипец... Вот и поговорили...»

Целую неделю, сваленный пулей заговорщика, провалился на больничной койке Ильич. Страшный бред разрывал его натруженный мозг. Ему то виделся водитель броневики, кричащий из люка: «А мне – по хуй! У меня горючки хоть до Парижу!» То тонущие в эхе орудия голоса на площади: «Ленина шлёпнули! Ленина шлёпнули!» То перед ним плавали тысячи тысяч кепок, которые он должен износить за триста лет. То чулком с деньгами его душил Дзержинский, изрыгая неприличные, но вполне понятные и неприятные польские ругательства. То взъерошенная Крупская на тачанке, расстреливающая очередную базар из пулемёта с воплями: «Это у меня-то грудей нет?! Суки!»

То последний пипец...

Лишь на восьмой день благотворные жизненные силы победили кошмары подсознания и дело пошло на поправку. Когда Владимир Ильич медленно открыл глаза, то увидел склонившуюся перед ним Надежду Константиновну, всё с тем же полынным отваром.

- Ну я же тебе говорила, что пульнут, а ты не слушаешь. Ну что ж теперь, будем лечиться. А чулочек я перепрятала. Он теперь под картошкой лежит. Так надёжней.

Ленин ничего не ответил любимой супруге, а только хитро прищурил один глаз, да подумал про себя: «Ничего, у меня через недельку ещё одно мероприятие намечается. Вот тогда...»

Теперь уже доподлинно известно, что даже самые незначительные вопросы Ленин решал глобально, по-ленински. И как однажды Немирович замахнулся на Данченко, а Толстоногов на Шекспира, так и Владимир Ильич, тонко чувствовавший конъюктуру прогресса и будущего его развития в масштабах Галактики, уже тогда устремлял всеобъемлющий прищуренный взгляд в чёрные дыры космического пространства России. Из дневников наблюдения за космосом Циолковского, непосредственно из первых рук, мы узнаем о героических начинаниях покорения неведомых доселе поприщ.

Рукопись Девятнадцатая: КОСМОНАВТ

Владимир Ильич Ленин заболел. Болезнь протекала тяжело и неравномерно. Таблетки, что присылал Дзержинский, не помогали. Оставалось лишь надеяться на крестьянскую медицину.

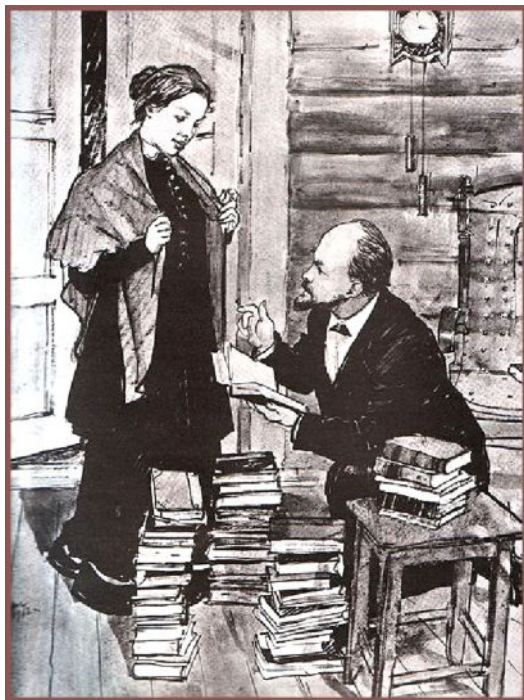
Крестьяне были большие знатоки этого дела. И всяк имел свои хитрости на этот счёт.

Соратники Ленина были большие шутники. Они любили расклеивать в городе всякие листовки - "Сдам комнату с видом на Красную площадь", или "Плету лапти недорого", или "Продаётся самогон в неограниченном количестве" и везде указывали адрес Ленина. Вот и тянулись к нему крестьяне нескончаемым потоком.

"К. Б."

Не проходило и часа, как кто-нибудь появлялся с травами и целебными отварами, приготовленными мол ещё ихними прабабками и помогающими ото всех хвороб и недугов. Надежда Константиновна терпеливо выслушивала все рекомендации и нюансы по поводу того или иного, принесённого очередным «айболитом» зелья, и складывала целебные дары в погреб, тяжело вздыхая полным объёмом лёгких. Крестьянам она не верила...И вообще, Надежда Константиновна терялась в догадках и была в некоторой растерянности от столь неожиданно пришедшей беды. И уж тем более не могла и представить, что сама явилась косвенной причиной нынешнего недомогания Ильича, после, казалось бы, пустяшного разговора недельной давности.

А разговор случился такой...

* * *

Ленин, в жилетке на голое тело, ходил по заставленному столами кабинету и, злобно потрясая кулачками, плевался на разложенные повсюду проекты законов, всевозможные декреты, серпантины зашифрованных телеграмм и прочие планы ГОЭРЛО. Вошла Надежда Константиновна и всплеснула руками:

- Да сколько ж можно, Володенька! Хватит тебе уже. Вон сколько слюны драгоценной извёл. Чем и восполнять-то будешь?

-Ничего, Надюша, тыфу! Слюны у нас на всех хватит, ещё, тыфу, наглотаются!

- Да ты же перенапрягся весь. Нисколько себя не бережешь! Вон щёчки *аки* покраснелись!

- Тыфу! А вот совершенно напрасно ты, Наденька, щёчки мои «каками» называешь. Поскольку напряжение духа революционного не достигло ещё целенаправленного выхода, а

тело, Наденька, есть ни что иное, как, тыфу! сосуд накопления этой самой энергии. И, дабы этот сосуд не взорвался раньше времени холостым стало быть выстрелом, щёчки мои - суть клапана в главном котле паровой машины социализма! Тыфу.

- Ой, да ослышался ты, Володя, *никаких* нехороших слов...

- Вот опять! Тыфу. Но я тебя, в свою очередь, заверяю самым архиклятвенным образом, что в очень недалёком будущем, мы изведём всех «как», ныне господствующих! И только настоящими каками, прости пожалуйста, за такой душещипательный реализм, Надюша, будут крестьяне удобрять почву, при посевах, до обретения этой почвой, тыфу, статуса – благодатной, по которой и мы пошагаем в мир социализма, да что там – пошагаем? – полетим – твёрдой поступью, навстречу всевозможным победам и прочим завоеваниям, тыфу! Промазал.

- Так ведь и я о том же, Вова! Одно дело – копить энергию и рационально её использовать, и – совершенно ни к чему копить её впрок, чтобы в самый неожиданный момент лопнуть так и не насладившись результатами своей одержимости.

«Тьфу! – подумал Ильич, - а ведь старушка права! Будь я каким-нибудь заштатным писакой, так и сказал бы: есть, есть в этом рациональное зерно!»

* * *

А сейчас Ленин лежал укутанный тремя ватными одеялами и что-то напевал в бреду. Надежда Константиновна посмотрела на градусник и покачала головой. Затем смочила полотенце и положила ему на лоб. Полотенце зашипело и дымка пара окутала лицо заботливой супруги. Не допев последнюю строчку Ленин проснулся.

- Что это было, Наденька? Мне почудилось, будто паровоз подъехал?

- Ничего, ничего, Володя, это тебе показалось. Ну как ты себя чувствуешь?

- Ой, Наденька, пьискверно, и будто во мне всё не моё и будто пожары по всему телу... и всё кружится, кружится...

- Это Володенька, не иначе, как – грипп.

- Да, Надюша, влип я, как есть влип...

- Мне вот только одно интересно: как и где это тебя угораздило? – Ильич вздрогнул и часто заморгал, но увидев, что жена этого не заметила, тотчас сменил тему.

- А что, Наденька, никто не приходил нынче, пока я спал?

- Крестьяне в основном... А был и Циолковский. Чего он хотел я так и не поняла, всё извинялся, и насчёт каких-то полётов говорил... - Ильич опять вздрогнул: он вдруг живо и отчётливо вспомнил предшествующие его хвори события...

* * *

Он вспомнил, как пришёл к учёному Циолковскому и сказал:

- Константин Эдуардович, я, - говорит, - не жалея живота своего хочу стать первым космонавтом Советской России! Готовьте меня! Я – готов!

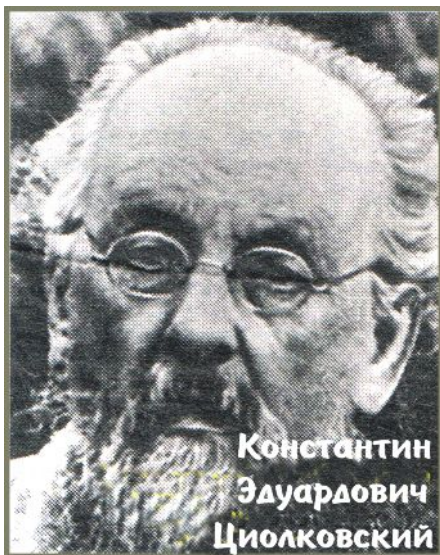
- Ну хорошо, - незаметно поморщившись, ответил Цымильковский, - Первым, так первым.

Ну и короче, начались там всякие анкеты, анализы и прочая бюрократия, типа: какими стульями ходите и есть ли сумасшедшие родственники за границей.

Потом наступила более тонкая проверка и подготовка. Проводки какие-то к нему подключают, кардиограмму рисуют, током его несколько раз торкнуло, Ильич только дёрнется, вскрикнет: - Ух, ты... щёкотно.

Умел он вот это - контролировать свои эмоции и нервы. А вот физическая подготовка несколько потяжелее ему давалась. Гоняют его, как лошадь – привяжут за верёвочку и по кругу. Пол дня. Пока пена изо рта не пойдёт.

- Вы, чё? – хрипит Ильич, - Хорош уже!

- Ни в коем случае, курсант Ульянов-Ленин! - строго выговаривал, лично проводивший обучение Циклиньковский, - В космос желаете, любите и по кругу бегать. Упражнение «Пони Ловит Солнце» одно из самых необходимых для укрепления и подготовки организма к перегрузкам!

И дальше, гоняют, гоняют, пока он не упадёт и эта хрень сама его за собой тащит. Потом, значит, после этой «Пони», поднимут его, откачают, харю вытрут и дальше на испытания. Жёсткий был график, напряжённый, можно даже сказать – космический. Пока не случился небольшой казус. В центрифугу его посадили, а пристегнуть-то забыли! Просмотрел Константин Эдуардович... Включили – эта хрень, как начала вертеться. Ильич там, как мячик об стенки! В иллюминаторе только то рожа, то жопа сверкают. Переблевался весь, пересрался, все рычаги там синяками и шишками пошибал! Пришлось аварийную остановку делать! Так та тоже с первого раза не сбоботала! Каким-то ломом всё же остановили. Да не там, где надо, не у мостика. Дверца открылась, и он так - кочерыжкой, и выпал на холодный, заблёванный кафель. Подняли его. Стоит. Зрелище жалкое. Цивильковский: - Извините, Владимир Ильич, такая неувязочка получилась, виноват-с...

А Ленин говорит: - Нет, всё правильно! Надо быть готовым к экстремальным ситуациям.... Но вывод я сделал такой – не готова ещё Россия к полётам в космос, и не хрен нам пока ещё там бороздить. Погорячился я! – сказал и обратно на кафель рухнул.

Циклоповский посмотрел на это дело, поморщился и сказал:

- Да-а, видимо не скоро мы переживём восторг от созерцания вселенной... Страшная глупость или страшная любовь к астронавтике толкают нас на эти испытания...Ну что ж... ладно пока...будем строить д и р и ж а б л и!

* * *

Дирижабли... Ленин вышел из оцепенения.

- А знаешь, Наденька, я сон видел: ...приснилось мне, что я – бабочка, весело порхающая бабочка... но, впрочем извини, я тебя перебил... Значит, говоришь, крестьяне были?

- Да.

- В смысле – ходоки?

- Да, Володя.

- А я и думаю, откуда у меня такое чувство, будто я проголодался.

«Миновал, миновал кризис, слава тебе, Господи!» - деловито кряхтела Надежда Константиновна, извлекая из подкроватной бездонности баночку мёда, перетянутое шпагатом копчёное сало, связку баранок и вяленого судака...

Следующий рассказ записан непосредственно очевидцем Первого Тушинского Авиапарада (события грандиозного, но никем не замеченного), главным бухгалтером фабрики резиновых изделий «Красная Мякоть» -

Стружкоедовым Глебом Равиолевичем.

Рукопись Двадцатая: ДИРИЖАБЛЬ

Приблизительно через год, как и задумал Циолковский, Первый Дирижабль Страны Советов (ПеДиСтраС) – был готов! На испытания пригласили конечно же и Ленина.

Как увидел он эту конструкцию, ручки раскинул и обалденно так воскликнул: - Ни хрена себе - дыня!!!

Ходил, ходил вокруг неё два часа, языком прищёлкивал, удивлялся, потом спрашивает: - Не, а чё это за хрень такая?

Циолковский ему: - Это первый Российский наш Советский дирижабль – «Педистрас»! Детище принципиально новой отрасли науки!

Ленин: - Да-а?! И что дальше?

- А дальше, Владимир Ильич,

мы решили: выход в воздушное пространство на этой умопомрачительной машине доверить Вам!

Настрожился Владимир Ильич непонятным словам и неготовности к такому моменту. Задумался: «Так-то оно, конечно так, и совсем не плохо для статусу, если я первый полечу на этой «дыне», на этой «педистрасе», но...как-то страшновато.» Решил по-своему проверить на прочность этот предмет воздухоплавания. Откуда-то из-за подкладки вынул иголочку такую... какими лошадям хвосты пришивают, сантиметров 30... Он эту иголочку-то всегда при себе имел: пуговичку там притачать, носочек заштопать, шпика какого-нибудь пришить... И, возьми, сука, да ткни в эту дыню-то! А та, сука, возьми, да и лопни! Ба-бах! Всех - только так сдуло – кто куда! На два километра. Одна шкурка от «дыни» трепыхается... Шум, неразбериха. У Циолковского – инфаркт. Вернее, приступ этого, как его... когда смеются и плачут одновременно. Короче увезли Циолковского на Склифософского. Ленин, тот – ничего, не успел испугаться...

Нет, но вы представьте себе: эту «дыню» (вот привязалось словечко) 150 человек велосипедными насосами две недели накачивали!

И вот тут для истории неясно: то ли нарочно злую шутку сыграл здесь Ильич, то ли случайно оказался тормозом прогресса? Непонятно.

Позже, ученики-пионеры школы №49 напишут поэму, посвящённую самым первым попыткам человечества вспахать просторы Вселенной, борьбе за освоение космических недр и прочих высот недосягаемой глубины.

Мы летим на Марс упрямо
выбрав верный звёздный путь.
Ни налево, ни направо,
и ни вкось за поворот -
только к цели, только прямо! -
поглощая цели суть.

Может встретим на планете,
что от нас так далека,
чудо-дивное, какого
не увидишь никогда.
Мы подружимся, поладим,
и наладим "телемост",
и общенью будем рады,
повышая знаний рост.

Мы на космос положили
До науки жадный глаз -
не останется планеты,
что не знала бы про нас.
Кумачом горит пылая
красный, пролетарский Марс!
Голубой Земле мигая:
приглашая в гости нас.

Мол, приедьте, поглядите,
здесь порядок наведите!
Нужен здесь маляр, строитель,
кранов башенных водитель,
столяр нужен здесь и плотник,
в общем нужен здесь Субботник!
Весь песок пересчитать,
повернуть каналы вспять!
Если высохли каналы,
нужно новые вскопать.

В кратерах построить Клубы,
и разбить в пустынях клумбы,
хватит каждому делов -
Пролетарий - Будь готов!
Нужно, чтоб на новом Марсе,
разгоняя мрак и грозы,
побежали паровозы
по проложенным путям!

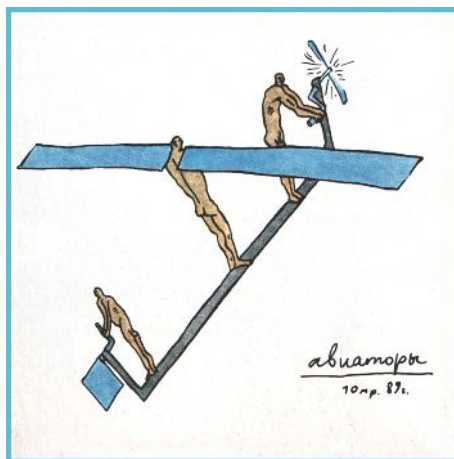
МарсоБАМ - таёжной веткой
счёт положит Пятилеткам!
Кочегар, гони машину,
чтобы задымились шины,
чтобы ясно было всем -
едет В Л К С М !

Чтоб полей невольный узник,
старый, добрый "Кукурузник"
распылял фосфат и калий,
удобренья из фикалий.
Чтоб быстрее смогла пшеница
ими оплодотвориться.

Чтоб земля планеты властной
зацвела горохом красным!

Чтоб взошли бобы Гарсона,
помидоры Мендельсона,
и Мичурина арбузы
гроздьями свисали вниз!
На плакате, в три аршина,
лозунг партии любимой,
мол, даёшь, даёшь, даёшь!
Коммунизм, едрёна вошь.

Электричество наладим.
Ленину - Шалаш поставим.
Будет Марс обут и сыт:
Космос - нами не забыт!

...Оглядывая наше звёздное прошлое, понимаешь, как много в нём тяжких трудов и как заслуженна его всемирная слава... Наверное, у каждого из нас в прошлом было прекрасное будущее...

А логическим завершением этой мини-эпопеи послужит страница из дневника ночного сторожа здания Смольного – **Мартына Фитильзадуева**.

Рукопись Последняя: БАЙКА О КОВШЕ

Вот такая история с нами тогда приключилась. Дело было под будущей ленинградщиной. Дождь был помню. Сидим мы значит с Володькой Ульяновым в «буру» играем. А Володька-то в «буру» большой мастак был. Ну, сидим, играем интересно так, и тут залетает значит комар – наглый такой до нельзя! И Володьке-то по плечи, прыг, значит, скок, прыг-скок, гадина. И хоботочком-то так и норовит. А у меня как раз масть пошла. Ну я, что под руку попало, убил комара, на хер. Ковшиком. И Володьку-то по плечи зацепил, гадство! А ковшичек-то, знаете, похлеще хоботка будет. Килограмма три, ага. Володька помню на пол пал, как подкошенный и ругатца на меня. Я кричу: «Надька, бинты давай, нельзя ему так! Застудится!» Как забинтовали его, так и отправили в Германию. Он тогда, как раз помню от Фани Каплан гасился, ага. Ну, время такое было, тогда все гасились...

Вот такая, гадство, история приключилась. А с Володькой мы так больше и не встречались, насколько я помню. Но я слышал, что Фаня его всё-таки достала. Причём, на полном серьёзе. А я всегда говорил Володьке: «Володька, - говорю, - ты плохо кончишь! Ладно я тебе – ковшиком, а скоро вообще всё – медным тазом накроется!». Так и говорил, как вам сейчас говорю, вот так. И как говорил, так оно, понимаешь и вышло. А ежели думаете, что это я накаркал, так уж звиняйте...

Вот и всё, пожалуй...

«На этом завершаю я свой труд.

Таких трудов запрудить пруд,

Наверно, хватит не один...»

С пользой или бессмысленно, но одни маялись делом, другие занимались дурью. Если Вам показалось, что всё это было написано с целью оскорбить или как-то унижить имя и дела известного человека, то всячески заверяю вас, что это не так. Я писал не о том Ленине, чьё бречное тело и неотпетая душа томятся в Мавзолее, я писал о том Ленине, которого меня «учили» любить, о том, который «и теперь живее всех живых». Если возникнут вопросы – подробности при встрече.

Приятно было с вами попрощаться.

С уважением, Ваш Анастасий Азбебабелев

ПОСЛЕСЛОВИЕ

По разному в дальнейшем распинала судьба наших героев по тропинкам истории.

Кочегар **Игнат Иволгин** открыл по Москве сеть кочегарок быстрого разогрева, где сам один и трудился. А спустя три года, переусердствовав, сгорел на работе.

Его закадычный друг, ночной сторож Смольного **Мартын Фитильзадуев**, уличил в хищении граблей и другого инвентаря дворницкой одного из членов Партии, за что и был сослан в Сибирь, где по сей день и квартируется.

Писарь села Шушенского **Демьян Кадык** в пьяной драке получил по фамилии и уже который год не выходит из больницы.

Матрос **Железняк** после восьми расстрелов таки выжил и даже принял участие в боях Великой Отечественной. Но дальнейший след живучего матроса затерялся в Бендеровских лесах и больше о нём никто не слышал.

Стоногулов Еремей из житомирского села, вызволил из пруда утонувший трактор, отрёкся от жены и колхоза и эмигрировал на этом тракторе в Канаду. Обосновав фермерское хозяйство, он ежегодно присылает тонны пшеницы на историческую родину. (Правда, за деньги, с учётом курса \$ и НДС).

Завхоз Смольного **Коробков П. Х.** всё-таки осуществил свою мечту: продал Родину, спился и стал никем.

Изольда Карловна Боровик дожила до наших дней, ведя нелёгкую и заранее проигрышную борьбу с избыточным весом. В 2000-м году, благодаря колоритной внешности, снялась в клипе группы БИ-2. На полученный гонорар накупила тортов и пирожных с кремом, обожралась и лопнула.

Лыкоплёт **Лаптев** так же уехал за границу, и будучи профессионалом в своём ремесле, основал и возглавил отделение спортивной обуви фирмы NIKE.

Главный бухгалтер фабрики резиновых изделий **Стружкоедов Глеб Равиолевич** внёс рацпредложение по выпуску противозачаточных средств с названием «Будущего Нет!». И после резкого демографического спада в стране, окончил жизнь самоубийством в состоянии аффекта, написав в предсмертной записке: «Это я убил будущее!»

Историк и кандидат наук **Анастасий Лжебабелев** защитил ещё две докторские диссертации и сошёл с ума. Периодически чему-то улыбается и разговаривает с предметами.

Летописец **Генрих фон Граусханштольц**, получив Пулитцеровскую премию за «Ленинский трактат», подумывал о собрании сочинений о жизни и деятельности Адольфа Шикельгрубера. Но из-за многочисленных судебных исков от КомПартий нескольких стран и угроз со стороны идейных фанатиков вынужден тщательно скрываться.

Шушенского старожила деда **Матвея** сердобольные жители выгнали из села в один из субботних дней, сразу после бани, за бесконечные непристойные байки про односельчан. Последние его слова были: «Ну вы вообще – пиздец! Хорошо что помыться успел...»

Об остальных участниках данного повествования упоминать и нет необходимости, поскольку их судьбы вам и так хорошо известны. И там, надо заметить, завидовать тоже нечему. Берегите себя!

Внештатный консультант, подполковник ФСБ *Милитон Сидоров*

ЛЕНИН ВСЕГДА С ТОБОЙ

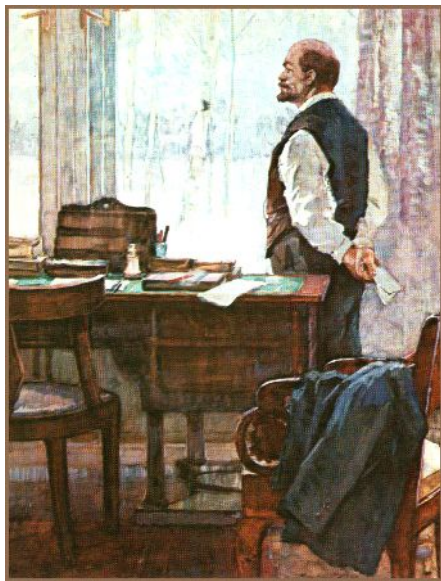
Стихи *Л. Ошанина*, музыка *С. Туликова*

День за днём идут года -
Зори новых поколений,
Но никто и никогда
Не забудет имя Ленин.

Припев: Ленин всегда живой,
Ленин всегда с тобой –
В горе надежде и радости.
Ленин в твоей весне,
В каждом счастливом дне,
Ленин в тебе и во мне!

В давний час, в суровой мгле,
На заре Советской власти
Он сказал, что на земле
Мы построим людям счастье.

Мы за партией идём,
Славя Родину делами,
И на всём пути большом
В каждом деле Ленин с нами.

ОТЪ РЕДАКТАРА: Внимание! Щас чё-то важное скажу: за вымышленными именами
автароф в с е х рассказов и баек скрывается не менее интересный, но
– што самое главное – риальный автар – *Влад Туликов.*

Миниатюры не подписанные ни чьим именем («Электрификация», «Заноза», «Синдром Кулибина», «Прятки», «Маяковский», «Аквариум», «Пипец», «Зевс Революции», «Космонавт») – так же принадлежат его перу. Стихотворные же вирши: «Когда порочности...», «Недоумки», «Крыжовник», «На Марс!» - написаны

в академическом составе группы *Нафлюкторг.*

Пастольку пас Кольку будуще России мне тоже представляеца в виде Каммунизма – в виде большой и неажданной халявы, я пазволил сибe использовать койкакие материалы (савсем чуть-чуть) ис газеты «Камсамольская Неправда» и хахатушнова журнала «Грязная Бурда», а так же рисунки и пуллистрации из децких книжек да и вабще откуда не попадая. Вот такие тут есть, тоже риальные, художники: *Н. Жуков, Л. Шматько, И. Незнайкин, И. Ильинский, Е. Савельева, М. Салтыков, Д. Хайкин, К. Безбородов, А. Джикия, Е. Ходырев, П. А. Шилинговский, А. И. Саханов.*

Жилаю Вам перечитать ещо раз и палучить двойное удавольствие! Главное – правильно расслабца.

С уважением ка Всем Получающим Удавольствие – *Гиннадий Нисака.*

*Спрашивайте книги из серии «Руки Прочь...»
под прилавками книжных
магазинов вашего города!*

Сдано в набор 04.01.2007. Подписано в печать 29.09.2007.

Формат 84×108 $\frac{3}{8}$. Бумага белая, прямоугольная.

Гарнитура: Tahoma, **Traktir**, *Arbat*, *Kursiva*, *Parsek*. etc. Печать особая (суперсекретная).

Текст печатается по авторским рукописям и фонограммам.

Набрано, отфильтровано, оцифровано и сматрицовано на оборудовании
творческой артели «Фленомэ».

Отпечатано в подпольной типографии «Социалистична Пермщина».
г. Пермь, 2007 г.

Из письма:

...Да, после Нового Года зима быстро надоедает, есть такое, прав Влад... Наконец-то «тиснула» в «Палату» его «Зевса Революции», пока переписывала, тащиться замаялась – прикольно, ужас просто.

Елена Новицкая, г. Омск, 19.02.2005

...Про «Флениномэ» разговор особый. Думаю, ещё недавно ты бы заработал минимум двадцатку лагерей за такое «безобразие». А Владу бы вообще – «вышка»! Тем не менее прикольно получилось. Но уже предвижу массу наездов в твой адрес от «блюстителей чистоты русского языка».

Борис Поляков, г. Хабаровск, 27.07.2007

...«Ленинский» спецвыпуск «Фленомэ» прочитал с особенным удовольствием. Что-то мне памятно ещё по твоим давним рукописям, что-то на бумаге вроде бы и представить было невозможно, а всё вместе производит впечатление мощного и весёлого произведения искусства. Ещё после прочтения почему-то из недр памяти вдруг всплыли строчки некоего ныне забытого пролетарского поэта 20-х годов, прочитав которые в своё время Маяковский чуть в обморок не грохнулся.

*Однажды Ленин, быв ребёнком,
купаясь в речке, раз тонул.
Один рабочий, идя мимо,
увидев то, с моста прыгнул...*

Слово «идя» тут надо читать с ударением на первом слоге, а «прыгнул» - на втором. Такие вот шедевры центральная партийная печать публиковала в первые послереволюционные годы на первых полосах.

Олег Гальченко, г. Петрозаводск, 21.08.2007

...Да-а-а, ленинский спец-выпуск «Ф» получился прямо-таки концептуальным трудом, достойным Ленинской премии! (вот же гадство, её, кажется, сейчас уже нету...) Впечатляюще получилось. Много нового о Владимире Ильиче и его окружении я почерпнул! ☺ Нет, а ведь на самом деле.

Павел «Скиф» Слатвинский, г. Омск, 27.08.2007

...Ну, ты дал! А ты знаешь, что своё 1-е стихо я написал в 7 лет о Ленине!?!:

*Ленин в тюрьмах сидел,
Ленин в ссылках бывал,
Ленин всю свою жизнь
За рабочих отдал!*

Во, и до сих пор не могу ничего к этому ни прибавить, ни, тем более, убавить... Кстати, жена, прослушав отрывок из Флениномэ, возопила в возмущении – так что ты доводишь людей до крайности своим творчеством. А я когда прочёл твою записку, внезапно почувствовал сильный жор, накупил кексов, а потом ещё съел ещё два эклера шоколадных. Непроста всё это. Думаю, что последний номер из людей энергетику вытягивает, как осина или тополь. Если голова будет болеть – приложи, проверь...

Виталий Ключанский, г. Москва, 03.10.07

...Хочу поблагодарить за ленинский выпуск "Фленомэ". Читал, читал с удовольствием, смеялся... Весчь!

Царегородцев Дмитрий, с. Знаменское, Омской обл., 24.11.2007

...А «Фленомэ» про Ленина я так и не смогла прочесть полностью. Шилков, конечно, талант, но...мutorно оно всё, ты прав - негатив есть при прочтении газеты. Жаль. И всё-таки, молодцы.

Елена Новицкая, г. Омск, 01.07.2008